

Сю Э.



ТАЙНЫ НАРОДА

ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

История в романах

Эжен Сю
Тайны народа

«Алгоритм»

1857

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)

Сю Э. Ж.

Тайны народа / Э. Ж. Сю — «Алгоритм», 1857 — (История в романах)

ISBN 978-5-486-03953-9

Мари-Жозеф-Эжен Сю (1804–1857) – французский писатель. Родился в семье известного хирурга, служившего при дворе Наполеона. В 1825–1827 гг. Сю в качестве военного врача участвовал в морских экспедициях французского флота, в том числе и в кровопролитном Наваринском сражении. Отец оставил ему миллионное состояние, что позволило Сю вести образ жизни парижского денди, отдавшись исключительно литературе. Как литератор Сю начинает в 1832 г. с авантурных морских романов, в дальнейшем переходит к романам историческим; за которыми последовали бытовые (иногда именуемые «салонными»). Но его литературная слава основана не на них, а на созданных позднее знаменитых социально-авантурных романах «Парижские тайны» и «Вечный жид». В 1850 г. Сю был избран депутатом Законодательного собрания, но после государственного переворота 1851 г. он оказался в ссылке в Савойе, где и окончил свои дни. В данном томе публикуется роман «Тайны народа». Это история вражды двух семейств – германского и галльского, столкновение которых происходит еще при Цезаре, а оканчивается во время французской революции 1848 г.; иначе говоря, это цепь исторических событий, связанных единством идеи и родственными отношениями действующих лиц.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-486-03953-9

© Сю Э. Ж., 1857

© Алгоритм, 1857

Содержание

Часть первая. Каска драгуна и кандалы каторжника	7
Глава I	7
Глава II	12
Глава III	19
Глава IV	26
Глава V	28
Глава VI	32
Глава VII	38
Глава VIII	40
Глава IX	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Эжен Сю

Тайны народа

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

* * *

История не знает ни одной религиозной, политической или социальной реформы, которую нашим отцам не пришлось бы добывать ценой своей крови, ценой целыми столетиями следовавших одно за другим восстаний.

Часть первая. Каска драгуна и кандалы каторжника

Глава I

23 февраля 1848 г., в ту эпоху, когда Францию в течение уже долгого времени глубоко волновал вопрос о собраниях реформистов, а в Париже вопрос этот достиг особой остроты, на улице Сен-Дени, недалеко от бульвара, помещалась довольно просторная лавка под следующей вывеской:

*ЛЕБРЕН, ТОРГОВЕЦ ПОЛОТНОМ.
«ПОД МЕЧОМ БРЕННА».*

На вывеске художник довольно недурно изобразил известное в истории событие: предводитель галльской армии Бренн с суровым и надменным видом бросает свой меч на одну из чашек весов, на которых лежал выкуп Рима, побежденного галлами более двух тысяч лет тому назад.

Некогда обитателей квартала Сен-Дени немало забавляла воинственная вывеска торговца полотном. Впоследствии про вывеску забыли, убедившись, что Марик Лебрэн прекрасный человек в мире, примерный супруг, добрый отец семейства, продававший по справедливым ценам превосходный товар, между прочим и великолепное бретонское полотно, привозившееся с его родины. Этот почтенный купец аккуратно платил по счетам, был по отношению ко всем предупредителен и услужлив и исполнял, к великому удовольствию своих дорогих товарищей, обязанности капитана в первой роте гренадер своего батальона в национальной гвардии. Сверх того, он пользовался общей любовью в своем квартале и имел полное право называть себя одним из его нотаблей.

В довольно холодное утро 23 февраля ставни магазина были, по обыкновению, открыты слугой совместно с служанкой, которые оба были бретонцами, так как и их хозяин Лебрэн всегда брал слуг со своей родины.

Служанка, свежая и красивая девушка лет двадцати, звалась Жаникой. У слуги магазина, по имени Жильдас Паку, крепкого и сильного юноши, было открытое и немного удивленное лицо, ибо он находился в Париже всего два дня. Он довольно хорошо говорил по-французски, однако при беседе с Жаникой, своей землячкой, предпочитал говорить на бретонском наречии, в котором всего лучше сохранился древний язык галлов.

Жильдас Паку казался глубоко погруженным в свои мысли, хотя занятие его заключалось лишь в перенесении ставней внутрь лавки. На мгновение он даже остановился посреди магазина с сосредоточенным видом, опершись руками и подбородком на верхний край одной из ставней, которые только что снял.

— О чем же вы, однако, думаете, Жильдас? — спросила его Жаника.

— Милая, — произнес он с глубокомысленными и почти комическим видом, — помните ли вы песенку «Женевьева из Рюстефана»?

— Конечно, я засыпала под ее звуки. Она начинается так:

Когда маленький Жан пас своих овец,
Ему и во сне даже не снилось быть священником.

— Ну вот, Жаника, я точно как этот маленький Жан. Когда я был в Ванне, мне и не снилось, что я увижу Париж.

– Что же удивительного видите вы в Париже, Жильдас?

– Мать мне сказала: «Жильдас, наш земляк господин Лебрен, которому я продаю полотно, приготовляемое нами, нанимает тебя слугой в свой магазин. Это дом, на котором почит благоволение Божие. Ты будешь жить там так же спокойно, как и здесь, в нашем маленьком городке, ибо на улице Сен-Дени в Париже, где помещается лавка твоего будущего хозяина, живут честные и мирные купцы». И вот, Жаника, не позже как вчера вечером, на второй день моего приезда, разве вы, подобно мне, не слышали криков: «Закройте лавки!» Видели вы патрули, барабанщиков, эти толпы людей, в беспорядке и смятении проходивших взад и вперед? У некоторых были страшные лица с длинными бородами. Они мне снятся теперь, Жаника! Я вижу их во сне!

– Бедный Жильдас!

– И если бы только это!

– А что же еще? Разве вы можете в чем-либо упрекнуть своего хозяина?

– Его? Нет, это прекраснейший человек в мире. Я в этом уверен, моя мать так сказала.

– А госпожа Лебрен?

– Милая и достойная женщина! Она своей ласковостью напоминает мне мать.

– А барышня?

– О, про нее, Жаника, можно сказать то, что поется в песенке «Бедняки»:

Ваша госпожа прекрасна и добра,
И так как она красива, то любима повсюду,
Поэтому она привлекла наконец все сердца.

– Ах, Жильдас, как я люблю слушать родные песни! Эта точно сложена про барышню Велледу, и я...

– Подождите, Жаника, – сказал слуга, прервав свою землячку, – вы спросили меня, чему я удивляюсь. Разве у барышни христианское имя? Велледа! Что это значит?

– Что же вы хотите! Ведь это выдумка хозяина и хозяйки.

– А их сын, который вернулся вчера в свое коммерческое училище?

– Ну и что же?

– Что у него за дьявольское имя? Оно звучит как какое-то ругательство или проклятие. Скажите-ка это имя, Жаника. Ну скажите же.

– Очень просто, сына нашего хозяина зовут Сакровиром.

– Ага, я так и знал! У вас был такой вид, точно вы проклинали... Вы сказали *Сакр-р-ровир*.

– Вовсе нет, у меня буква «р» не звучала так сильно, как у вас.

– Она достаточно звучна сама по себе... Да, наконец, разве это имя?

– Это тоже выдумка хозяина и хозяйки.

– Хорошо. Ну а зеленая дверь?

– Зеленая дверь?

– Да, в глубине квартиры. Вчера, в самый полдень, я видел, как хозяин вошел туда со свечой.

– Вполне понятно, потому что там всегда закрыты ставни.

– И вы находите это естественным, Жаника? А почему же ставни всегда закрыты?

– Я ничего не знаю об этом, это тоже...

– Выдумка хозяина и хозяйки, хотите вы сказать, Жаника?

– Конечно.

– Что же находится в этой комнате, где царит темнота в полдень?

– Я ничего не знаю, Жильдас. Туда входят только хозяин и хозяйка, даже дети не знают, что там находится.

– И все это не кажется вам удивительным, Жаника?

– Нет, потому что я к этому привыкла. Вы тоже привыкнете.

Затем, прервав на минуту разговор и выглянув на улицу, молодая девушка сказала своему товарищу:

– Вы видели?

– Что?

– Этого драгуна...

– Драгуна, Жаника?

– Да, пожалуйста, пойдите посмотрите, не повернется ли он в сторону лавки. Я потом объясню, в чем дело. Идите скорее... скорее!

– Драгун вовсе не обернулся, – наивно ответил Жильдас. – Но что у вас, Жаника, может быть общего с драгуном?

– Ничего, слава богу, но их казарма находится близко отсюда...

– Эти мужчины в касках и с саблями – дурное соседство для молодых девушек, – сентенциозно заметил Жильдас. – Мне вспомнилась песня «Вопрос»:

У меня в голубятне была маленькая голубка.

Вдруг, точно порыв ветра, налетел ястреб.

Он спугнул мою маленькую голубку,

И неизвестно, что с ней случилось.

– Понимаете, Жаника? Голубки – это молодые девушки, а ястреб...

– Это драгун? Вы...

– Как, Жаника! Разве вы не заметили, что соседство ястребов... то есть драгун, для вас вредно?

– Это меня не касается.

– А кого же?

– Подождите, Жильдас, вы, я вижу, славный парень, мне нужно с вами посоветоваться. Вот что случилось. Четыре дня назад барышня, вместо того чтобы работать как обыкновенно в задней комнате, в отсутствие господина и госпожи Лебрен сидела за прилавком. Я стояла подле нее и смотрела на улицу, как вдруг заметила, что перед нашими окнами остановился военный, драгун. Это был не солдат, на нем были густые золотые эполеты, а на каске султан. Это был по меньшей мере полковник. Он остановился перед лавкой и стал смотреть...

Беседа двух земляков была прервана внезапным приходом человека около сорока лет, одетого в полукафтан и черные бархатные панталоны. По одежде он походил на механика железной дороги. Его энергичное лицо было до половины покрыто густой темной бородою. Он казался взволнованным и поспешно вошел в магазин, сказав Жанике:

– Дитя мое, где ваш хозяин? Мне надо с ним поговорить, идите и скажите ему, что его спрашивает Дюпон... Вы запомните мою фамилию? Дюпон!

– Сударь, господин Лебрен вышел сегодня на рассвете, – возразила Жаника, – и еще не вернулся.

– Тысяча чертей!... Он, значит, пошел туда? – пробормотал вполголоса прибывший, собираясь уходить из магазина. На пороге он обернулся и сказал Жанике: – Дитя мое, как только господин Лебрен вернется, скажите ему, что Дюпон приехал.

– Хорошо, сударь.

– И что если он, господин Лебрен... – добавил Дюпон, запнувшись на мгновение, как человек, подыскивающий подходящее выражение, а потом, найдя его, быстро проговорил: –

Скажите своему хозяину, что если он еще не ходил смотреть свой запас перца – вы слышите? – свой запас перца, то чтобы он не ходил туда, не повидавшись с Дюпоном. Вы запомните это, дитя мое?

– Да, сударь. Вы, может быть, будете любезны написать господину Леброну?

– Нет, – живо возразил Дюпон, – это бесполезно. Скажите только ему...

– Чтобы он не ходил смотреть свой запас перца, не повидав господина Дюпона, – подхватила Жаника. – Так, сударь?

– Совершенно верно, – ответил незнакомец. – Прощайте, дитя мое.

И он поспешно ушел.

– Вот так штука! Господин Лебрен, значит, также и бакалейщик, – с удивлением заметил Жильдас своей подруге. – У него есть запасы перца. А этот человек! Он был не в своей тарелке. Заметили вы? Эх, Жаника, положительно, это удивительный дом.

– Вы приехали из деревни и поэтому удивляетесь всяким пустякам. Но дайте же мне закончить рассказ о драгуне.

– О ястребе в золотых эполетах и с султаном на каске, который остановился перед лавкой и стал смотреть в окно на вас, Жаника?

– Он смотрел не на меня, а на барышню Велледу. Барышня шила и не видела, что этот военный пожирает ее глазами. Мне было так неловко за нее, что я не осмеливалась ей сказать, что на нее так смотрят. Наконец барышня случайно заметила, что перед окном стоит человек, не спускающий с нее глаз. Она покраснела, как вишня, велела мне смотреть за магазином и ушла в заднюю комнату. Это еще не все. На следующей день, в тот же час, полковник появился снова, на этот раз в статском костюме, и опять остановился под окнами. Но за прилавком была сама хозяйка, и он простоял на часах недолго. Третьего дня ему тоже не удалось увидеть барышню. Наконец, вчера, в то время как госпожа Лебрен находилась в лавке, он вошел и спросил у нее, очень вежливо притом, не может ли она ему приготовить большой запас полотна. Хозяйка ответила утвердительно, и решено было, что полковник придет сегодня, чтобы переговорить с самим господином Лебреном.

– Вы полагаете, Жаника, что хозяйка заметила, что этот военный несколько раз приходил смотреть в окна?

– Не знаю, Жильдас, и не знаю также, надо ли предупредить хозяйку. Я только что попросила вас посмотреть, не обернулся ли этот драгун, потому что боялась, как бы он не стал подсматривать за нами. К счастью, этого не случилось. Не знаю, сказать мне все хозяйке или ничего не говорить? Если скажу – это может ее встревожить, промолчу – быть может, окажусь виноватой. Что вы мне посоветуете?

– По-моему, вы должны предупредить госпожу, ибо ей, быть может, тоже кажется подозрительным этот большой запас полотна. Гм-гм...

– Я последую вашему совету, Жильдас.

– И хорошо сделаете. О, моя милая девушка, мужчины в касках...

– Хорошо, это, вероятно, из вашей песни?

– Она ужасна, Жаника! Моя мать пела мне ее сотни раз на посиделках, как моя бабушка пела ее моей матери, и как прабабушка – моей бабушке...

– Довольно, Жильдас, – сказала Жаника, смеясь и прерывая своего товарища, – от бабушки к прабабушке вы дойдете, наконец, до нашей прааматери Евы...

– Конечно! Разве в деревне не передаются от семьи к семье сказки, которые восходят...

– ...восходят к тысячным или тысяча пятисотым годам, как сказки Мирдина или Барона Жойо, под которые я засыпала? Я знаю это, Жильдас.

– Ну хорошо, Жаника, так песня, о которой я говорю по поводу людей, носящих каски и шатающихся около молодых девушек, ужасна. Она называется «Три красных монаха», – сказал Жильдас зловещим тоном. – «Три красных монаха, или Господин де Плурнель».

– Как вы сказали? – с живостью спросила Жаника, пораженная этим именем. – Господин...

– Господин де Плуернель.

– Это странно.

– Что же именно?

– Господин Лебрэн иногда упоминает это имя.

– Имя господина де Плуернеля? По поводу чего же?

– Я часто слышала, как господин Лебрэн упоминает об этой фамилии, точно жалуясь на нее, или же, рассказывая о каком-нибудь злом человеке, нередко говорит: «Это, верно, сын де Плуернеля!» – точно так, как говорят: «Это, верно, сын дьявола!»

В то время когда Жаника произнесла эти слова, в лавку вошел слуга в ливрее и спросил господина Лебрэна.

– Его нет, – сказал Жильдас.

– В таком случае, братец, – сказал слуга, – вы скажете своему хозяину, что полковник ждет его сегодня утром, до полудня, чтобы переговорить с ним относительно поставки полотна, о котором он говорил вчера вашей хозяйке. Вот адрес моего господина, – добавил слуга, положив на прилавок визитную карточку. – Посоветуйте своему хозяину быть аккуратным, полковник не любит ждать.

Слуга вышел.

Жильдас машинально взял карточку, прочел ее и воскликнул, побледнев:

– Святая Анна Орейская! Кто бы мог подумать!

Дрожащей рукой он подал карточку молодой девушке, которая прочла:

– «Граф Гонтран де Плуернель. Полковник драгунского полка. Улица Паради-Пуассоньер, 18».

– Какой удивительный... странный дом! – повторил Жильдас, воздевая руки к небу.

Жаника казалась удивленной и испуганной не менее слуги.

Глава II

В то время как в магазине Лебрена происходили вышеописанные события, почти в тот же самый час, в пятом этаже одного старого дома, расположенного напротив лавки торговца полотном, разыгрывалась другого рода сцена.

Мы поведем читателя в скромную, маленькую, но очень опрятную комнату: железная кровать, комод, два стула, стол, над которым помещалось несколько полок, уставленных книгами, – такова была вся мебелировка. У изголовья кровати на стене висело нечто вроде трофея, состоявшего из военного кепи и унтер-офицерских погон, оправленных в рамку из черного дерева. В бедном углу комнаты виднелись разложенные в порядке на доске различные столярные инструменты.

На кровати лежала заново вычищенная винтовка, а на маленьком столе – форма для отливки пуль, мешок с порохом, приспособления для набивки патронов, а также несколько пакетов готовых патронов.

Обитатель этого жилища, молодой человек лет двадцати шести с мужественным и красивым лицом, одетый в блузу рабочего, уже встал. Опершись на подоконник, он, казалось, внимательно рассматривал дом господина Лебрена и особенно одно из четырех окон, между двумя из которых была прибита знаменитая вывеска «Под мечом Бренна».

Это окно, украшенное белыми, плотно задернутыми занавесями, ничем особенным не отличалось, на окне стояло несколько ваз с зимним гелиотропом и подснежниками в полном цвету.

На лице обитателя мансарды, пока он рассматривал вышеупомянутое окно, лежало выражение глубокой, почти болезненной грусти. Спустя несколько мгновений на его глазах навернулись слезы и скатились по его темным усам.

Шум часов, пробивших половину седьмого, вывел Жоржа Дюшена, ибо так звали молодого человека, из задумчивости. Он провел рукою по еще влажным глазам и отошел от окна, проговорив с горечью:

– Сегодня или завтра пуля пронзит мою грудь и избавит от этой безумной любви. Слава богу, вскоре начнется серьезное восстание, и моя жизнь сможет послужить на пользу делу свободы.

Затем после некоторого размышления Жорж добавил:

– А дедушка... его я и забыл!

Он разыскал в углу комнаты жаровню, до половины наполненную жаром, которую перед тем он употреблял для литья пуль, поставил на огонь маленький глиняный горшок с молоком, накрошил в него белого хлеба и в несколько минут приготовил такой аппетитный суп, который сделал бы честь любой хозяйке.

Спрятав винтовку и военные припасы под тюфяк, Жорж взял горшок и открыл дверь, ведущую в соседнюю комнату, где спал на несравненно более хорошей, чем у Жоржа, кровати старик с кротким и симпатичным лицом, обрамленным длинными белыми волосами. Старец, по-видимому, был очень слаб; его исхудавшие и морщинистые руки все время дрожали.

– Здравствуйте, дедушка, – сказал Жорж, нежно обнимая старика. – Хорошо ли вы спали эту ночь?

– Довольно хорошо, дитя мое.

– Вот ваш молочный суп. Я заставил вас ждать.

– Нет, ведь день только еще настал! Я слышал, как ты встал и открыл окно, более часа назад.

– Это правда, дедушка... Я чувствовал тяжесть в голове и рано встал.

– В эту ночь я слышал также, как ты ходил взад и вперед по комнате.

– Бедный дедушка, я верно разбудил вас?

– Нет, я не спал... Но подожди, Жорж, будь откровенен... У тебя есть что-то на душе.

– У меня? Ровно ничего.

– Вот уже несколько месяцев, как ты грустен, бледен и изменился до неузнаваемости.

Ты никогда больше не бываешь так весел, как по возвращении из полка.

– Уверю вас, дедушка, что...

– Ты меня уверяешь... ты меня уверяешь... Я хорошо вижу, и поэтому нечего меня обманывать! У меня глаза матери...

– Это верно, – возразил Жорж, улыбаясь, – поэтому я буду называть вас, пожалуй, бабушкой, ибо вы добры, нежны и беспокоитесь обо мне, как настоящая бабушка. Но поверьте мне, вы напрасно тревожитесь. Успокойтесь, вот ваша ложка... Подождите, я придвину к вашей кровати маленький стол, и вам будет удобнее.

Жорж взял стоявший в углу красивый столик орехового дерева, тщательно отполированный, подобный тем, которыми пользуются больные при еде в постели. Поставив на него миску с молочным супом, он придвинул его к старику.

– Только ты один способен оказывать столько внимания, – сказал ему старик.

– Было бы чертовски нехорошо, дедушка, если бы я при своей способности к столярному мастерству не смастерил для вас этого удобного стола.

– О, у тебя на все готов ответ, я знаю, – проворчал старик.

Он принялся есть до того дрожащей рукой, что два или три раза ложка ударилась о его зубы.

– Ах, мое бедное дитя, – печально сказал старик своему внуку, – посмотри, как дрожат у меня руки. Мне кажется, что это дрожание усиливается с каждым днем.

– Что вы, дедушка! А мне, напротив, кажется, что оно уменьшается.

– О нет, все кончено... совсем кончено... Нет лекарств от этой дряхлости.

– Ну так что же, что делать! С этим надо примиряться.

– Так мне следовало бы поступить уже давно, с того времени как это началось, и, однако, я никак не могу свыкнуться с мыслью, что дряхл и буду тебе в тягость до конца своих дней.

– Дедушка, дедушка, мы поссоримся!

– Почему я имел глупость взяться за ремесло золотильщика металлов? По прошествии двадцати лет, а часто и раньше, у большинства этих рабочих появляется под старость такое же дрожание членов, как и у меня. Но у них нет внуков, которые баловали бы их так, как ты меня...

– Дедушка!

– Да, ты меня балуешь, я тебе повторяю: ты меня балуешь...

– Пусть так! Хорошо же, я вам отплачу той же монетой – это единственное средство, как учили нас в полку, заставить неприятеля прекратить огонь. Итак, я знал одного превосходного человека, которого звали дядюшка Морен. Он был вдов и имел дочь восемнадцати лет. Этот почтенный человек выдал дочь за славного, но чертовски горячего человека, которого в один прекрасный день ранили в драке, так что через два года после женитьбы он умер, оставив молодую жену и маленького сына.

– Жорж, Жорж...

– Бедная молодая женщина кормила грудью ребенка. Смерть мужа так потрясла ее, что она умерла, и ее мальчик остался бременем на руках у деда.

– Боже мой, Жорж, как ты жесток! Для чего ты всегда говоришь об этом?

– Этого ребенка дед так любил, что не мог с ним расстаться. Днем, когда он уходил в свою мастерскую, за крошкой присматривала одна добрая соседка. Когда он возвращался, у него была лишь одна мысль, одна забота – о своем маленьком Жорже. Он заботился о нем так

же нежно, как может заботиться лишь самая хорошая, самая любящая мать. Он разорялся на красивые маленькие платица, на нарядные чепчики, ибо он, этот добрый дедушка, гордился и кокетничал своим внуком. Он так возился с ним, что соседи, уважавшие этого почтенного человека, называли его кормилицей.

– Но, Жорж...

– Так он воспитал этого ребенка, постоянно заботясь о нем и удовлетворяя все его нужды, отдал его в школу, потом в учение ремеслу, до тех пор пока...

– Подожди же, тем хуже, – проговорил старик решительным тоном, не будучи в состоянии более сдерживаться. – Раз мы начали перечислять свои добродетели, то теперь очередь за мной, и мы еще посмотрим! Прежде всего ты был сын моей бедной Жоржины, которую я так любил, – следовательно, я исполнял лишь свой долг. Запомни прежде всего это.

– И я тоже исполнял только свой долг...

– Ты? Оставь же меня в покое! – воскликнул старик, сильно размахивая ложкой. – Ты? Вот что ты сделал... Судьба избавила тебя от отбывания воинской повинности...

– Дедушка, берегитесь!

– О, ты меня не испугаешь!

– Вы опрокинете миску, если будете так волноваться.

– Я волнуюсь... черт возьми! Ты, верно, думаешь, что у меня нет больше крови в жилах? Да отвечай же, раз ты говоришь о других! Когда я одряхлел, то какую сделку ты совершил, несчастное мое дитя? Ты нашел торговца людьми...

– Дедушка, вам придется есть холодный суп. Ради бога, кушайте его горячим!

– Та-та-та! Ты хочешь заговорить мне зубы, да? А что ты сказал этому торговцу людьми? «Мой дед дряхл, он не может более зарабатывать себе средства к жизни. Я единственная его опора, но я могу заболеть или остаться без работы. Назначьте ему маленькую пенсию, и я продамса вам...» И ты так и сделал! – воскликнул старик со слезами на глазах и таким резким движением поднял ложку вверх, что, если бы Жорж не успел схватить столик, тот упал бы на постель вместе с миской.

При этом Жорж воскликнул:

– Черт возьми, дедушка, успокойтесь же! Что вы вертитесь, как дьявол перед заутреней, вы все опрокинете!

– Это для меня безразлично... это не помешает мне сказать тебе, как и почему ты пошел в солдаты, почему продал себя ради меня... торговцу людьми.

– Все это с вашей стороны лишь предлог, чтобы не есть суп. Я вижу, что он вам не нравится.

– Ну вот, теперь он говорит, что мне не нравится его суп! – воскликнул огорченно добряк. – Этот проклятый мальчишка решил меня все время огорчать.

С гневным жестом зачерпывая ложкой суп и поспешно поднося ее ко рту, старик Морен прибавил:

– Смотри, вот как мне не нравится твой суп... видишь?.. видишь?.. А, он мне не нравится... Видишь?.. А, он очень дурен...

– Ради бога, не спешите же так! – воскликнул Жорж, удерживая руку деда. – Вы подавитесь.

– Это тоже твоя вина. Как мог ты сказать, что мне не нравится твой суп, когда это настоящий нектар! – возразил старик, с удовольствием хлебая суп. – Это настоящий нектар богов!

– Без хвастовства скажу, – заметил Жорж, улыбаясь, – что я славился в полку приготовлением супа. Ну а теперь я набью вам трубку.

Затем, наклонившись к старику, он сказал, лаская его:

– Ну что, добрый старый дедушка очень любит курить трубку в постели?

– Что же мне сказать тебе, Жорж? Ты превращаешь меня в пашу, в настоящего пашу, – ответил старик.

Его внук взял трубку, набил ее и подал старику Морену. Последний, удобно примостившись на подушке, с удовольствием закурил трубку.

Жорж, присев на его кровать в ногах, спросил:

– Что вы думаете делать сегодня?

– Думаю совершить свою обычную прогулку на бульвар, где посижу немного, если погода хороша.

– Гм! Дедушка, я думаю, что лучше вам отложить свою прогулку. Вы видели вчера, как много было народу на улице, дело дошло даже чуть ли не до драки с полицией. Возможно, что сегодня произойдут более серьезные события.

– А ты, дитя мое, ты не вмешиваешься в эти беспорядки? Я знаю, что это очень заманчиво, когда чувствуешь себя правым, ибо это гнусность со стороны правительства – запрещать собрания. Но я страшно беспокоился бы о тебе!

– Будьте спокойны, дедушка, вам нечего бояться за меня. Но послушайтесь моего совета: не выходите сегодня.

– Хорошо, дитя мое, я останусь дома. Я постараюсь развлечься тем, что почитаю кое-что из твоих книг и буду, покуривая свою трубку, смотреть на прохожих.

– Бедный дедушка, – сказал Жорж, улыбаясь, – с такой высоты вы увидите лишь шляпы прохожих.

– Все равно, этого достаточно, чтобы развлечь меня. Кроме того, я вижу дома напротив, вижу соседей, смотрящих из окон... Ах да, относительно домов, расположенных напротив! У меня есть кое-что, о чем я постоянно забываю тебя спросить. Скажи мне, что означает вывеска этого торговца полотном с изображенным на ней воином, бросающим свой меч на весы? Так как ты выполнял столярные работы в этом магазине, то должен знать, что означает вывеска.

– Я не знал этого, как и вы, пока мой хозяин не послал меня работать к господину Леброну.

– Этот купец известен в квартале как очень честный человек, но что за чертовская мысль пришла ему в голову выбрать такую вывеску? «Под мечом Бренна»! Он должен бы быть оружейником. Правда, что на картине есть весы, а весы напоминают о торговле... Но почему этот воин в шлеме и с видом Артабана кладет на весы свой меч?

– Знаете... мне как-то неловко в моем возрасте поучать вас...

– Почему неловко? Почему же? Ты, вместо того чтобы ходить по воскресеньям гулять за город, читаешь, учишься, приобретаешь знания. Поэтому ты отлично можешь дать урок деду, в этом нет ничего обидного для меня.

– Ну хорошо. Этот воин в шлеме – Бренн. Он был галлом, то есть одним из наших предков, и предводительствовал войском две тысячи, а может быть и более, лет тому назад. Бренн двинулся в Италию и осадил Рим, чтобы наказать его за измену. Город сдался галлам, дав за себя выкуп золотом, но Бренн, найдя выкуп недостаточным, бросил на чашу весов к гилям свой меч.

– Ого, дерзкий, чтобы получить большой выкуп! Он сделал как раз обратное тому, что делают овощные торговцы, которые слегка ударяют весы пальцем, я понимаю это. Но есть две вещи, которые для меня менее ясны. Во-первых, ты говоришь, что этот воин, живший более чем две тысячи лет назад, был одним из наших предков?

– Да, в том смысле, что Бренн и галлы, которыми он предводительствовал, принадлежали к расе, давшей происхождение всем нам.

– Подожди минуту. Ты говоришь, что это были галлы?

– Да, дедушка.

– Значит, мы произошли от галльской расы?

– Конечно.

– Но мы французы! Как, черт возьми, примиришь ты это, мой парень?

– Дело в том, что наша страна... наша родина не всегда называлась Францией.

– Стой... стой... стой... – сказал старик, вынимая трубку изо рта. – Как, Франция не всегда называлась Францией?

– Нет, дедушка. В незапамятные времена наше отечество называлось Галлией и было республикой, столь же славной и столь же могущественной, но более счастливой и вдвое более обширной, чем Франция времен империи. К несчастью, почти около двух тысяч лет назад в Галлии начались раздоры, провинции поднимались одна против другой...

– Да, в этом всегда лежит главное зло. К тому же самому – к посеву раздоров – прилагали все усилия священники и роялисты во время революции.

– В Галлии, дедушка, несколько столетий назад случилось то же самое, что во Франции в четырнадцатом и пятнадцатом годах.

– Нашествие чужеземцев!

– Верно. Римляне, некогда побежденные Бренном, сделались очень могущественными. Они воспользовались раздорами наших предков и завладели их страной...

– Совершенно так, как казаки и пруссаки завладели нами?

– Совсем так же. Но то, что не осмелились сделать казаки и пруссаки, приятели Бурбонов, и, конечно, не осмелились не потому, что у них не было желания, – то сделали римляне, и, несмотря на героическое сопротивление, наши храбрые, как львы, но, к сожалению, ослабленные раздорами предки были обращены в рабство так точно, как в настоящее время обращают в рабство в некоторых колониях негров.

– Боже, возможно ли это!

– Да, на них надевали железные ошейники, на которых было вырезано имя их господина, если только это имя не выжигали раскаленным железом на лбу. А когда они пытались убежать, их господа приказывали отрезать им нос и уши или даже руки и ноги.

– Наши предки!

– Иногда господа бросали их для забавы на растерзание диким зверям или замучивали пытками, когда они отказывались под кнутом победителя возделывать земли, которые прежде принадлежали им...

– Разумеется!

– Поэтому галлы после бесчисленных восстаний...

– Да, мой мальчик, это средство не ново, но оно всегда помогает... Да! – добавил старик, ударив большим пальцем по концу трубки. – Да, видишь, Жорж, всегда рано или поздно приходится прибегнуть к революции, как в семьсот восемьдесят девятом, как в восемьсот тридцатом, как, быть может, завтра.

«Бедный дедушка! – подумал Жорж. – Он и не подозревает, как верно угадал».

А вслух он проговорил:

– Вы правы, чтобы завоевать свободу, надо, чтобы народ сам ее добыл, и только силой народ может получить полную свободу, сверху же ему дадут только жалкое ее подобие. Его обворуют, как это случилось восемнадцать лет назад.

– И живо обворуют, мое бедное дитя! Я видел это, я присутствовал при этом...

– Вы знаете, дедушка, пословицу об обжегшейся кошке. Этого достаточно, урок был хороший... Но вернемся к галлам. Они прибегли к революции, как вы выразились, и она не обманула своих храбрых детей. При помощи настойчивости, энергии, крови они отвоевали часть своей свободы у римлян, которые, заметьте, не переименовали Галлию и называли ее Римской Галлией.

– Так же, как теперь говорят о Французском Алжире?

– Именно так, дедушка.

– Славу богу, наши храбрые галлы при помощи восстаний освободились от ненавистного ига. Ты этим известием точно маслом мне по сердцу помазал.

– Подождите, подождите еще, дедушка.

– Что?

– То, что некогда претерпели наши предки, ничто в сравнении с тем, что им еще приходилось терпеть. Представьте себе, тринадцать или четырнадцать столетий назад орды полудиких варваров, называвшихся франками, вышедшие из лесов Германии, напали на римские войска, сильно ослабленные завоеванием Галлии, разбили их, выгнали из Галлии и, в свою очередь, овладели нашей бедной страной, отняли у нее даже имя и, как делают с завоеванной добычей, переименовали ее во Францию.

– Разбойники! – воскликнул старик. – Римляне были все же, честное слово, лучше! Они хоть оставили нам наше имя.

– Это правда. Кроме того, римляне были самым цивилизованным в то время народом в мире, несмотря на свое варварство в отношении рабов. Они покрыли Галлию великолепными сооружениями и возвратили нашим предкам – отчасти добровольно, отчасти по принуждению – часть их прежних вольностей. Франки же были, как я уже сказал вам, настоящие дикари. Под их владычеством галлам все пришлось начинать сызнова.

– О боже, боже!

– Эти орды франкских бандитов...

– Скажи, что это казаки! Называй их настоящим именем!

– Еще хуже, если возможно, дедушка. Эти франкские бандиты, или казаки, если вам угодно, называли своих предводителей королями. Потомки этих королей навсегда обосновались в нашей стране, и мы в течение нескольких столетий имеем удовольствие быть под владычеством королей франкского происхождения, которых роялисты называют королями божественного права.

– Скажи лучше: казацкого права!.. Спасибо за подарок!

– Низшие предводители назывались герцогами и графами, их потомки тоже остались в нашей стране, вследствие чего мы имели еще одно удовольствие обладать дворянством франкского происхождения, которое относилось к нам как к покоренной расе.

– Что ты говоришь! – промолвил старик с изумлением. – Если я тебя верно понял, мой мальчик, то выходит, что эти франкские разбойники, короли и предводители, сделавшись господами Галлии, разделили между собой земли, которые галлы частью обратно завоевали у римлян?

– Да, дедушка, короли и франкские дворяне отняли у галлов их собственность и разделили между собой земли и людей, как делят поместья и скот.

– И наши предки, ограбленные таким образом этими разбойниками...

– Наши предки были снова обращены в рабство, как при римлянах, и принуждены были возделывать для франкских королей и дворян те самые земли, которые принадлежали им в то время, когда Галлия еще была Галлией.

– Таким образом, мой мальчик, франкские короли и дворяне не только отняли у наших предков их собственность, но и заставляли бывших хозяев работать на себя?

– Да, дедушка, они продавали галлов – мужчин, женщин, детей, молодых девушек – на рынке. Если галлы отказывались работать, их стегали плетью, как стегают плетью упрямое животное, или в порыве гнева убивали их, как убивают негодную собаку или слишком старую лошадь. Ибо наши отцы и матери принадлежали франкским королям и дворянам, подобно тому как стадо принадлежит своему хозяину. Все было позволено франку, покорившему галла. Такое положение вещей продолжалось до революции семьсот восемьдесят девятого года, которую вы, дедушка, пережили. И вы помните, конечно, какая огромная раз-

ница существовала еще в то время между благородным и простолюдином, между дворянином и крестьянином.

– Черт возьми, один был господином, а другой рабом.

– Или, что все равно, дедушка, один франком, а другой галлом.

– Как же, однако, случилось, что наши предки галлы переносили в течение стольких столетий угнетение со стороны горсточки франков?

– Ах, дедушка, эти франки владели землей, которую отняли, а следовательно, богатством. Многочисленная армия состояла тоже из их безжалостных орд. Сверх того, нашим предкам, истощенным долгой борьбой с римлянами, пришлось перенести еще одно ужасное иго – это иго духовенства.

– Недоставало только этого в довершение всего!

– К вечному их стыду, большинство галльских епископов после завоевания предали свое отечество и перешли на сторону франкских королей и дворянства, которых они лестью и лукавством подчинили себе и старались вытянуть от них как можно больше земель и богатств. Подобно завоевателям, большинство этих святых отцов владели крепостными, которых продавали и эксплуатировали, распутничали, разоряли народ, терзали его и заботливо старалось выбить у галльского народа разум, проповедуя ему о смирении, уважении и повиновении франкам. А тем несчастным, которые пытались бы для освобождения отечества восстать против этих пришлых дворян и королей, могущество и богатство коих основывалось исключительно на насилиях, грабежах и убийствах, духовенство угрожало дьяволом и муками ада.

– Скажи, неужели наши предки без всякого сопротивления позволяли себя стричь, как овец, со времени завоевания их франками вплоть до прекрасных дней революции, когда мы резали горло этим дворянам, франкским королям и их союзникам-попам?

– Конечно, дело не обходилось без многочисленных восстаний крепостных против королей, дворян и духовенства. Я рассказал вам, дедушка, лишь то небольшое, что знаю сам, да и это небольшое я узнал, работая в магазине господина Лебрена, торговца полотном, там напротив...

– Каким же образом, мой мальчик?

– В то время как я работал, господин Лебрен разговаривал со мной. Он рассказывал мне историю наших предков, которой я, подобно вам, не знал раньше. Во мне пробудилась живейшая любознательность. Я задавал господину Лебрену тысячу вопросов, продолжая стругать и прилаживать, а он отвечал с истинно отеческой добротой. Вот каким образом я узнал то, что рассказал вам. Но, – проговорил Жорж с подавленным вздохом, – моя работа в магазине кончилась, и уроки истории прервались. Я рассказал вам все, что знал, дедушка.

– Так, значит, торговец полотном, там напротив, очень ученый?

– Он такой же большой патриот, как и ученый. Это старый галл, как он сам называет себя. Иногда, – добавил Жорж, слегка покраснев, – я слышал, как он не раз говорил своей дочери, с гордостью обнимая ее: «Ты истая дочь галла!»

В эту минуту старик Морен и Жорж слышали стук в дверь первой комнаты.

– Войдите! – сказал Жорж.

Кто-то вошел в соседнюю комнату.

– Кто там? – спросил Жорж.

– Я, Лебрен, – произнес чей-то голос.

– О, это почтенный торговец полотном, о котором мы только что говорили. Это старый галл, – проговорил вполголоса старик. – Иди же скорее встречать его, дитя мое, и запри дверь.

Жорж, смущенный и удивленный этим визитом, вышел из комнаты и очутился лицом к лицу с Мариком Лебреном.

Глава III

Лебрену было около пятидесяти лет, хотя он казался моложе. Его высокий рост, сильная мускулатура шеи, рук и плеч, гордая осанка и смелый поворот головы, его широкое, энергичное лицо, голубые глаза с прямым и проницательным взглядом, густые светло-каштановые волосы с легкой проседью, низкий лоб, точно изваянный из мрамора, – все это представляло типичные черты бретонской расы, среди которой до наших дней сохранились почти в чистом виде галльская кровь и галльский язык. На полных красных губах Лебрена играла улыбка, отчасти добродушная, отчасти лукавая и насмешливая. Одет он был в просторное синее пальто и серые панталоны.

Жорж Дюшен, удивленный и немного смущенный этим неожиданным посещением, молчал, ожидая, когда заговорит Лебрен. Последний сказал ему:

– Господин Дюшен, вы были посланы вашим хозяином для производства различных работ в моей лавке. Я был очень доволен вашим умением и вашей сообразительностью.

– Вы доказали это своим благосклонным отношением ко мне.

– Вы сами завоевали его, я видел, что вы трудолюбивы, стремитесь к знаниям. Я знал еще нечто большее. Как и все наши соседи, ваше примерное отношение к старику деду, который живет в этом доме пятнадцать лет...

– Милостивый государь, – возразил смущенный этими похвалами Жорж, – мое отношение...

– ...совершенно естественно, не так ли? Вы работали у меня в лавке в продолжение трех месяцев. Очень довольный нашими отношениями, я сказал вам вполне искренне: «Господин Дюшен, мы с вами соседи. Приходите же ко мне по воскресеньям или в другие дни после работы. Вы доставите мне удовольствие, большое удовольствие».

– Действительно, господин Лебрен, вы говорили мне это.

– И тем не менее, господин Дюшен, вы ни разу не были у меня.

– Прошу вас, господин Лебрен, не приписывайте этого ни неблагодарности, ни тому, что я забыл вас.

– А чему же это приписать?

– Господин Лебрен...

– Подождите, господин Дюшен, будьте откровенны... Вы любите мою дочь?

Молодой человек задрожал, побледнел, затем покраснел и после некоторого колебания ответил Лебрену тихим голосом:

– Это правда. Я люблю вашу дочь.

– Так, значит, окончив работу, вы ни разу не были у нас, боясь, что любовь ваша усилится?

– Да, господин Лебрен.

– Вы никогда не говорили о своей любви моей дочери?

– Никогда.

– Я это знал. Но почему же у вас не было доверия ко мне, господин Дюшен?

– Господин Лебрен, – ответил молодой человек в замешательстве, – я не осмеливался...

– Почему? Потому что я так называемый буржуа? Человек богатый в сравнении с вами, живущим изо дня в день своим трудом?

– Да, господин Лебрен.

Помолчав с минуту, купец проговорил:

– Позвольте мне, господин Дюшен, задать вам один вопрос, вы ответите на него, если сочтете его уместным.

– Я слушаю вас, господин Лебрен.

– Около пятнадцати месяцев назад, вскоре после своего возвращения из полка, вы должны были жениться?

– Да, господин Лебрэн.

– На молодой цветочнице, сироте, по имени Жозефина Элуа?

– Да, господин Лебрэн.

– Можете ли вы мне сказать, почему этот брак не состоялся?

Молодой человек покраснел, лицо его приняло грустное выражение. Он колебался отвечать.

Лебрэн внимательно глядел на него. Обеспокоенный и удивленный молчанием Жоржа, он не мог сдержаться и воскликнул строгим и огорченным тоном:

– Значит, вы обольстили ее, бросили и забыли... Ваше смятение слишком ясно свидетельствует об этом.

– Вы ошибаетесь, – с живостью возразил Жорж, – мое смятение и волнение вызваны тяжелым воспоминанием. Я скажу вам все по истинной правде...

– Я верю вам, Жорж.

– Жозефина жила в том же доме, где живет мой хозяин. Там я и познакомился с ней. Она была очень красива и, хотя не получила никакого образования, отличалась природным умом. Я знал, что она привыкла к труду и бедности, она казалась мне скромной. Жизнь холостяка тяготила меня. Кроме того, я думал и о своем деде, я полагал, что женщина заботилась бы о нем лучше меня. Я сделал Жозефине предложение, и она с радостью приняла его и сама назначила день нашей свадьбы. За неделю до свадьбы Жозефина исчезла, написав мне, что все между нами кончено. Впоследствии я узнал, что, поддавшись дурным советам одной своей уже падшей подруги, она последовала ее примеру. Жозефина отвергла ту жизнь, которую я ей предлагал, жизнь такую же трудовую и бедную, как ее. Я никогда более не видел ее. Вы понимаете теперь, господин Лебрэн, причину моего горестного волнения, когда вы заговорили о Жозефине?

– Это волнение, Жорж, говорит в пользу вашего сердца. Не будем больше говорить об этом. Вот что случилось у нас три дня назад. Я был вечером в комнате жены вместе с дочерью. Внезапно она сказала нам, взяв меня и жену за руки: «Мне надо открыть вам одну вещь. Я долго размышляла над этим, чтобы не поступить легкомысленно... Я люблю Жоржа Дюшена». – «Я знаю твою искренность, дитя мое, – ответил я ей, – но как развилась в тебе эта любовь?» – «Прежде всего меня поразило отношение Жоржа к старому деду, затем я слышала, как вы часто хвалили характер, трудолюбие, ум Жоржа, его стремление к знанию и самообразованию. Наконец, мне нравилось его мягкое и учтивое обращение, его искренность, его разговор, который я слышала, когда он беседовал с вами. Я не сказала ему ни одного слова, которое могло бы намекнуть ему на мою любовь. Он, в свою очередь, никогда не выходил в отношении меня из границ скромного почтения. Если мне не суждено выйти замуж за Жоржа, я вовсе не выйду замуж. Я все сказала, решайте сами, я жду». Я знаю искренность и прямоту своей дочери. Мы с женой уверены, что если этот брак не состоится, любовь и привязанность к нам Велледы не изменятся, но она не выйдет замуж ни за кого другого. А так как выбор Велледы вполне достоин и ее и нас, то мы с женой готовы были принять вас зятем.

Трудно передать выражение удивления и радости, которое отразилось на лице Жоржа при этих словах купца. Он оставался, однако, безмолвным.

– Ну, господин Дюшен, – произнес с улыбкой Лебрэн, – что же невероятного в том, что я вам говорю? Вы в течение трех месяцев работали у меня в лавке. Я уже знал, что для того, чтобы обеспечить существование своего деда, вы пошли в солдаты. Чин унтер-офицера, которого вы достигли в полку, и две раны доказывают, что вы служили с честью. Довольный нашими отношениями, я пригласил вас бывать у меня. Ваше уклонение от продолжения

нашего знакомства является новым доказательством вашей деликатности. Вы бедны, но у меня хватит достатка для вас обоих. Вы рабочий, но мой отец тоже был рабочим. Чему же, черт возьми, вы так удивляетесь?

Несмотря на эти благосклонные слова, Жорж все еще не мог прийти в себя от изумления. Ему казалось, что он слышит волшебную сказку. С влажными глазами и сильно бьющимся сердцем молодой человек мог только пролепетать:

– Ах, господин Лебрен, простите мое смущение... но я так безмерно счастлив, что вы согласны на мой брак...

– Подождите минуту, – возразил с живостью Лебрен, – одну минуту! Заметьте, что, несмотря на мое хорошее о вас мнение, я сказал, что «мы готовы были бы принять вас зятем»... Это условия, и условия таковы: во-первых, вы должны быть невиновны в недостойном обольщении, в котором вас обвиняли...

– Господин Лебрен, разве я не объяснил вам?

– Я вполне вам верю. Я указываю на первое условие лишь для памяти. Что же касается второго... Слушайте, Жорж, мы мало говорили с вами о политике. Когда вы у меня работали, наши беседы касались главным образом истории наших предков. Тем не менее мне известно, что вы держитесь весьма крайних убеждений. Скажем прямо – вы не только социалист и республиканец...

– Ведь вы, господин Лебрен, говорили, что всякое убеждение должно уважаться, раз оно искренне...

– Я не отказываюсь от своих слов и не порицаю вас. Но согласитесь с тем, что между стремлением провести свое убеждение в жизнь мирным путем и между намерением доставить ему победу силой, при помощи оружия лежит целая пропасть, не правда ли, Жорж?

– Да, господин Лебрен, – ответил молодой человек, глядя за купца с удивлением и беспокойством.

– Но никто сам по себе не может создать вооруженное восстание, не правда ли, Жорж?

– Господин Лебрен, – произнес молодой человек с замешательством, – я не знаю...

– Вы знаете, что обыкновенно люди соединяются со своими единомышленниками по убеждениям, одним словом, образуют тайное общество, а когда наступает день борьбы, мужественно выходят на улицу, не так ли, Жорж?

– Я знаю, что великая революция произошла именно таким образом, – ответил Жорж, сердце которого все сильнее сжималось.

– Разумеется, – подхватил Лебрен, – разумеется, она произошла таким образом, и, вероятно, так же совершатся и многие другие революции. Тем не менее, так как те, кто играет в эту игру, рискуют своей головой, то вы понимаете, Жорж, что я и моя жена не желали бы выдать дочь за человека, который себе не принадлежит и который с минуты на минуту должен взяться за оружие, рискуя жизнью ради своих убеждений.

Жорж побледнел. Он сказал Лебрену подавленным голосом:

– Господин Лебрен, два слова...

– Позвольте, сейчас я закончу, – возразил торговец и добавил важным, почти торжественным голосом: – Господин Дюшен, поклянитесь мне, что вы не принадлежите ни к какому тайному обществу, я вам поверю и вы сделаетесь моим зятем или, скорее, сыном, – произнеся это, Лебрен, протянул руку Жоржу, – ибо с тех пор, как я узнал вас и оценил, я всегда чувствовал к вам, повторяю это, живейшее участие и симпатию...

Похвалы торговца, его доброта делали еще более тягостным удар, который разбил все надежды Жоржа. И этот человек, столь мужественный, столь энергичный, почувствовал, что слабеет. Он закрыл лицо руками и не мог удержаться от слез.

Лебрен посмотрел на него с состраданием и сказал взволнованным голосом:

– Я жду вашей клятвы, Жорж.

Молодой человек отвернулся, чтобы отереть слезы, и ответил торговцу:

– Я не могу дать вам клятву, которой вы требуете.

– Значит... ваш брак с моей дочерью...

– Я должен от него отказаться, – задыхающимся голосом ответил Жорж.

– Следовательно, Жорж, – произнес торговец, – вы принадлежите к тайному обществу? Молчание молодого человека было единственным ответом.

– Ну, пора, – сказал торговец со вздохом сожаления и встал. – Все кончено... К счастью, моя дочь обладает мужеством...

– Я также, господин Лебрен...

– Жорж, – проговорил Лебрен, протягивая руку молодому человеку, – вы честный человек. Вы сами понимаете, что этот разговор должен остаться между нами. Вы видите, что я чувствовал к вам горячую симпатию. Не моя вина, что мои намерения... скажу более, мои желания, мои живейшие желания встретили непреодолимое препятствие.

– Я никогда не забуду, господин Лебрен, доказательство вашего уважения, которым вы оказали мне великую честь. Вы поступаете так, как вам подсказывает благоразумие и предусмотрительность отца. Я должен был бы не дожидаться вашего вопроса и честно предупредить вас о священном обязательстве, которое связывает меня с моей партией, прежде чем соединиться с вашей дочерью. Простите, – прибавил Жорж со слезами в голосе, – простите, я не имею более права говорить об этой прекрасной мечте... Но вот что я всегда буду вспоминать с гордостью, так это то, что вы сказали мне: «Вы можете быть моим сыном».

– Хорошо, господин Дюшен, я знал, что вы так поступите, – заметил Лебрен, направляясь к двери.

Протянув еще раз молодому человеку руку, он прибавил растроганным голосом:

– Еще раз – прощайте!

– Прощайте, господин Лебрен, – ответил Жорж, пожав руку торговца.

Последний внезапно горячо обнял молодого человека и прижал его к своей груди, сказав взволнованным голосом со слезами на глазах:

– Приди ко мне, Жорж, ты честный человек! У тебя честное сердце! Я не обманулся в тебе!

Жорж, изумленный, смотрел на Лебрена, не будучи в состоянии произнести ни одного слова. Последний произнес тихим голосом:

– Шесть недель назад на улице Лурсин!

Жорж задрожал и воскликнул с встревоженным видом:

– Ради бога, господин Лебрен!

– Номер семнадцать, четвертый этаж, в глубине двора!

– Господин Лебрен, еще раз прошу вас...

– Механик по имени Дюпон ввел вас с завязанными глазами...

– Господин Лебрен, я не могу вам отвечать...

– Вас приняли семь членов тайного общества. Вы дали обычную клятву, и вас увели снова с завязанными глазами...

– Господин Лебрен, – воскликнул Жорж, изумленный и испуганный этими разоблачениями, стараясь овладеть собою, – я не знаю, что вы хотите сказать...

– Я в тот вечер председательствовал в комитете, мой честный Жорж.

– Вы, господин Лебрен? – произнес молодой человек, не зная, верить или не верить Лебрену. – Вы...

– Я!

И, видя, что недоверие Жоржа еще не развеялось, купец проговорил:

– Да, я председательствовал, и вот доказательство...

И он шепнул несколько слов Жоржу на ухо. Последний, не имея более оснований сомневаться в искренности Лебрена, воскликнул, глядя на купца:

– Но тогда что же значит ваше требование клятвы?

– Это было последнее испытание.

– Испытание?

– Надо мне простить это, Жорж. Отцы всегда недоверчивы. Слава богу, вы не обманули моей надежды. Это испытание вы вынесли мужественно, вы предпочли крушение самых дорогих ваших надежд лжи, хотя вы могли быть уверены, что я поверил бы безусловно вашему слову, каково бы оно ни было.

– Господин Лебрен, – возразил Жорж с некоторым колебанием, которое тронуло купца, – на этот раз могу ли я верить... могу ли надеяться с уверенностью? Я заклинаю вас, скажите мне... Если бы вы знали, что я только что выстрадал!

– Даю вам честное слово, мой дорогой Жорж, что моя дочь вас любит. Мы с женой согласны на этот брак, который нас радует, ибо мы видим в нем залог счастья для нашего ребенка. Ясно это?

– Ах, господин Лебрен! – воскликнул Жорж, горячо сжимая руки купца.

Лебрен продолжал:

– Что касается времени вашего бракосочетания, мой дорогой Жорж, то вчерашние события и те, которые готовятся сегодня... Наконец, цели, преследуемые нашим тайным обществом...

– Вы, господин Лебрен? – проговорил Жорж, невольно прервав купца и не будучи в состоянии скрыть своего удивления, на время заглушенного радостью. – Вы, господин Лебрен, член нашего тайного общества? Поистине это меня приводит в тупик.

– Пускай, – возразил с улыбкой купец. – Вам, дорогой Жорж, придется еще не раз удивляться. Почему бы мне и не быть членом этого тайного общества? Разве потому, что я, не будучи богатым, обладаю некоторым достатком и собственным домом? Что может быть у меня общего с партией, целью которой является приобщение пролетариата к политической жизни при посредстве всеобщего избирательного права и урегулирование собственности при помощи организации труда, не так ли? Эх, мой честный Жорж, именно потому, что я имею, мой долг заключается в том, чтобы помочь моим братьям завоевать то, чего они не имеют.

– Это великодушные чувства, господин Лебрен, – воскликнул Жорж, – ибо очень редко случается, чтобы люди, добившиеся хорошего положения в обществе при помощи труда, обернулись и протянули руку своим менее счастливым братьям!

– Нет, Жорж, нет, это случается нередко. И когда... быть может, через несколько часов... члены нашего общества, председателем которых я состою уже давно, возьмутся за оружие, вы увидите среди них купцов, артистов, мелких фабрикантов, писателей, адвокатов, ученых, врачей, представителей мелкой буржуазии, пользующихся в большинстве случаев, подобно моему, скромным достатком, чуждых всякого честолюбия, желающих лишь торжества своих братьев из народа, которые после окончания борьбы сложат оружие и снова вернутся к своей трудолюбивой и мирной жизни.

– Ах, господин Лебрен, как я удивлен, но еще более счастлив тем, что вы говорите!

– Все еще удивлены? Бедный Жорж! Но почему же? Потому, что есть буржуа, вот многозначительное слово, буржуа республиканцы-социалисты. Разберем, Жорж, серьезно, разве интересы буржуазии не связаны с интересами пролетариата? Я был вчера еще сам пролетарий, и если счастливый случай помог мне встать на ноги, то разве несчастье не может вызвать полного разорения и я или мой сын снова не можем сделаться нищими? Разве я и все мелкие купцы не зависим от произвола крупных промышленников и банкиров, подобно тому как наши предки были во власти благородных баронов, сидевших в своих крепких замках?

Разве мелкие собственники не так же угнетаются и эксплуатируются этими герцогами банка, маркизами ссудной кассы и князьями процента? Разве нам, всем мелким купцам, не угрожает каждый день разорение вследствие малейшего кризиса, несмотря на всю нашу честность, труд, экономию и ум? Что произойдет с нами, если вследствие страха, алчности или каприза сатрапам столицы вздумается закрыть нам кредит и отказаться от учета наших векселей, как бы они ни были надежны? Разве, если бы кредит, вместо того чтобы быть монополией небольшой кучки, был бы на демократических началах организован государством и был бы доступен самому бедному из нас, разве, говорю я, мы подвергались бы ежеминутным опасностям полного разорения из-за нехватки оборотного капитала, из-за непомерных учетных процентов, из-за нечестной и беспощадной конкуренции? Разве все мы не подвергаемся опасности на старости лет очутиться в беспомощном положении вашего деда? Разве у меня, если я разорюсь подобно другим купцам, может быть уверенность, что мой сын всегда будет иметь возможность зарабатывать средства к жизни, что он не будет, подобно вам, Жорж, и всем прочим пролетариям, обречен на существование впроголодь? Нет-нет, Жорж, мыслящие буржуа, а их много, не отделяют своих интересов от интересов своих братьев из народа. Пролетарии и буржуа в течение столетий сражались бок о бок за свою свободу, их кровь смешалась, чтобы скрепить этот священный союз побежденных против победителей! Союз слабых и лишенных наследия против силы и привилегий! Каким образом, наконец, интересы буржуа и пролетариев могли бы быть не общими? У них всегда были одни и те же враги. Но довольно политики, Жорж, поговорим о вас и о моей дочери. Волнение в Париже началось вчера вечером, сегодня утром оно достигло своего апогея. Наши части уже предупреждены, с минуты на минуту ждем, что придется взяться за оружие. Вы знаете?

– Да, меня уведомили вчера.

– Сегодня вечером или ночью мы пойдем на улицу. Моя дочь и жена не знают этого, но не потому, что я сомневаюсь в них, – прибавил торговец полотном, улыбаясь, – ибо это истинные дочери Галлии, достойные своих матерей, тех славных женщин, которые ободряли жестами и словами своих отцов, братьев, сыновей и мужей, идущих в битву! Но ведь вам известно, что устав нашего общества вменяет нам в обязанность абсолютную тайну. Жорж, ранее трех дней Луи-Филипп будет низложен, или наша партия еще раз будет разбита, но не сломлена, поскольку будущее принадлежит ей. Во время этого вооруженного восстания, мой друг, вы, или я, или мы оба можем погибнуть на баррикаде.

– Таковы всегда шансы во время войны. Но да пощадит она вас!

– Если сказать теперь моей дочери, что я согласен на ваш брак и что вы ее любите, то это удвоило бы ее горе, если бы вы погибли в этой борьбе.

– Это справедливо.

– Поэтому я прошу вас, Жорж, подождать исхода борьбы, прежде чем сказать ей все. Если я буду убит, моя жена знает мое последнее желание. Оно состоит в том, чтобы вы женились на Велледе.

– Господин Лебрен, – проговорил Жорж глубоко растроганным голосом, – трудно передать то, что я чувствую в эту минуту. Могу сказать только одно: да, я буду достоин вашей дочери, буду достоин вас. Бремя благодарности меня не пугает. Поверьте, я всей жизнью своей постараюсь доказать это.

– Я верю вам, мой честный Жорж, – ответил купец, горячо сжимая руки молодого человека в своих. – Еще несколько слов... У вас есть оружие?

– У меня есть винтовка, спрятанная здесь, и пятьдесят патронов, которые я приготовил в эту ночь.

– Если сражение начнется, что кажется неизбежным вечером, мы забаррикадируем улицу как раз против моего дома. Место превосходное. У нас есть большой запас оружия и пороха, я осматривал сегодня военные припасы, относительно которых мы полагали, что о

них проведали сыщики, но все в порядке. При первом же движении возвращайтесь к себе домой, Жорж. Я вас извещу, и мы пойдем вместе прямо на баррикады! Скажите, ваш дед умеет хранить тайну?

– Я отвечаю за него, как за себя, господин Лебрен.

– Он там, в комнате?

– Да.

– Хорошо, позвольте мне сообщить ему большую радость.

И Лебрен вошел в комнату старика, продолжавшего курить свою трубку подобно паше, как он выражался.

– Дядюшка, – сказал ему торговец полотном, – у вашего внука такое доброе и благородное сердце, что я отдаю ему свою дочь, в которую он безумно влюблен. Прошу вас только сохранить это в секрете в течение нескольких дней, после чего вы получите право надеяться, что сделаетесь прадедом, а я – дедом. Жорж объяснит вам все. Прощайте, дедушка! До свиданья, Жорж!

Простившись с Жоржем и стариком, Лебрен направился к графу де Плуернелю, драгунскому полковнику, который ждал его до полудня, чтобы уговориться с ним относительно крупного заказа полотна.

Глава IV

Гонтран Неровер, граф де Плуернель, занимал прелестный маленький особняк на улице Паради-Пуассоньер, построенный его дедом. По изяществу этого жилища во вкусе рококо можно было угадать, что оно должно было быть выстроено в середине XVIII столетия и служило гнездышком любви. Квартал Рыбаков (des poissonniers), как говорили во времена регентства, очень пустынный в ту эпоху, вполне подходил для этих таинственных убежищ, посвященных культу Венеры.

Де Плуернель завтракал тет-а-тет с очень красивой девушкой двадцати лет, смуглой, живой и насмешливой, по прозвищу Праделина.

Де Плуернель пригласил накануне ее и нескольких своих друзей к себе на ужин. После ужина, длившегося до трех часов утра, нельзя было отказать Праделине в ночлеге, а утром ее пришлось угостить завтраком. Праделина и де Плуернель уселись за стол в маленьком будуаре во вкусе Людовика XV, смежном со спальней. В мраморном камине пылал огонь, толстые занавеси из бледно-голубого дама, усеянного розами, смягчали дневной свет, в больших фарфоровых вазах красовались цветы. Воздух был теплый, напоенный благоуханием. Вина были тонкие, кушанья изысканны. Праделина и де Плуернель отдали должную честь тому и другому.

Полковнику было около тридцати восьми лет. Он был высок ростом, тонок, но в то же время силен. Черты его лица, немного утомленного, но отличавшегося гордой красотой, изобличали в нем тип германской или франкской расы, характерные черты которой столько раз описывали Тацит и Юлий Цезарь: белокурые волосы, длинные рыжие усы, светло-серые глаза, орлиный нос.

Де Плуернель, одетый в великолепный домашний костюм, казался не менее веселым, чем молодая девушка.

– Ну, Праделина, – сказал он, наливая рюмку старого бургундского, – за здоровье твоего любовника!

– Какая глупость! Разве у меня есть любовник?

– Ты права. За здоровье твоих любовников!

– Ты не ревнив, мой друг?

– А ты?

При этом вопросе Праделина быстро осушила свою рюмку.

– Так как ты не ревнива, моя крошка, – продолжал де Плуернель, – то дай мне совет... дружеский совет. Я влюблен, влюблен до безумия. Это значит, что ее родители имеют лавку. Тебе должен быть известен этот мир, его нравы, привычки. К какому средству посоветуешь ты мне прибегнуть, чтобы добиться успеха?

– Посмотрим. Прежде всего скажи, эта лавочница очень бедна? Она сильно нуждается? Голодает?

– Как голодает? Черт возьми, что ты хочешь этим сказать?

– Полковник, я не могу отрицать твоих качеств. Ты красив, остроумен, мил, любезен, приятен. Но для того чтобы бедная девушка могла тебя оценить как следует, надо, чтобы она умирала с голоду. Ты не можешь себе представить, до какой степени голод содействует тому, что начинаешь находить людей достойными обожания.

– Моя прекрасная лавочница не голодает, – возразил граф.

– Она кокетлива? Любит наряды, драгоценности, зрелища? Вот тоже отличные средства, чтобы погубить бедную девушку.

– Она, вероятно, любит все это, но у нее есть родители, за нею, должно быть, хорошо смотрят. У меня явилась идея...

– У тебя? Наконец-то! Какая же идея?

– Я хотел купить у них побольше товара, одолжить им даже в случае нужды денег, ибо этим мелким торговцам всегда приходится туго!

– Ты, значит, думаешь, что они продадут свою дочь... за наличные?

– Нет, но я надеюсь, что они по крайней мере будут смотреть сквозь пальцы. Тогда я могу привлечь девушку подарками и быстро прийти к цели! Ну-с, что ты думаешь об этом?

– Боже мой, я не знаю, – ответила Праделина, прикидываясь простодушной. – Если в твоём высшем свете так делается, если родители продают своих дочерей, то, быть может, то же самое делается и среди людей маленьких. Только, видишь ли, не были бы они слишком буржуазны для этого, слишком мелочными торговцами'?

– Поговорим, малютка, серьезно.

– Прежде всего мне необходимо знать квартал, в котором обитает твоя любовь, – возразила молодая девушка наставительным тоном, развалившись в кресле, – знание квартала очень важно... То, что дозволяется в одном квартале, не допускается в другом.

– Это очень верно и глубокомысленно, моя красавица, квартал оказывает очень большое влияние на добродетель женщин. Я могу без всяких опасений открыть тебе, что моя лавочница живет на улице Сен-Дени.

При этих словах молодая девушка вздрогнула и встала так быстро, что де Плуернель, с удивлением взглянув на нее, воскликнул:

– Черт возьми, что с тобой?

– Я... – ответила Праделина, овладев собой. – Я укололась, но это ничего. Ты сказал, мой дорогой, что твоя любовь живет на улице Сен-Дени? Это уже кое-что, но все-таки мало.

– Я скажу тебе еще, что моя прелестница живет недалеко от ворот Сен-Дени, и больше я ничего не скажу.

– Мне ничего больше не нужно, чтобы дать совет, – ответила молодая девушка, стараясь говорить шутливым тоном.

Но человек, более наблюдательный, чем де Плуернель, заметил бы беспокойство, отражавшееся в лице Праделины.

– Хорошо, посмотрим! Что же ты посоветуешь? – спросил он.

Разговор был прерван стуком в дверь.

– Войдите, – произнес граф.

Вошел лакей со смущенным выражением лица и быстро сказал своему господину:

– Ваше сиятельство, его высокопреосвященство...

– Мой дядя! – проговорил удивленный полковник, вставая.

– Да, ваше сиятельство, господин кардинал вернулся сегодня ночью из путешествия и...

– Кардинал! – воскликнула Праделина, прервав лакея с громким смехом, так как она забыла уже свою недавнюю задумчивость. – Кардинал! Это забавно! Кардинала не всегда увидишь в Мабиле или Валентино!

– Оставьте же, моя милая, это глупо! Замолчите!

Кардинал, о котором только что доложили, не предполагая, без сомнения, застать своего племянника в столь нечестивом обществе, пошел вслед за лакеем.

При виде кардинала де Плуернель подбежал к двери и, обняв его, тихонько оттеснил снова в гостиную, откуда тот вышел. Тогда лакей, хорошо выдрессированный, запер осторожно за своим хозяином дверь будуара, задвинул задвижку, а затем позаботился о том, чтобы выпроводить Праделину из дома.

Глава V

Кардинал Плуернель был высоким, костлявым и сухопарым стариком шестидесяти пяти лет. Тип его лица был тот же, что и у его племянника. Его длинная шея, лысая голова, нос, загнутый крючком, как у хищной птицы, и круглые далеко расставленные глаза с пронизательным взором придавали ему сходство с ястребом, несмотря на глубокий ум, светившийся в его чертах. В своей красной кардинальской мантии этот служитель церкви имел, наверное, грозный и внушительный вид; но теперь он явился к своему племяннику в простом черном сюртуке, застегнутом на все пуговицы.

– Прошу прощения, милый дядюшка, – сказал с улыбкой полковник. – Я не знал, что вы вернулись, и не ждал вас так рано.

Кардинала, по-видимому, нисколько не удивило, что у драгунского полковника могут быть любовницы, и он только отрывисто сказал ему:

– Мне некогда. Поговорим о делах. Я только что вернулся из длинного путешествия по Франции. Мы накануне революции.

– Что вы говорите, дядюшка! – вскричал полковник с недоверием в голосе. – Неужели вы полагаете...

– Я полагаю, что будет революция.

– Но, дядюшка...

– Есть у тебя капиталы, которыми ты мог бы свободно располагать? Если нет, то я могу ссудить тебя.

– Капиталы... зачем?

– Чтобы обратить их в золото, в лондонские бумаги. Так будет удобнее во время путешествия.

– Но какое же путешествие?

– Ты будешь сопровождать меня. Мы выезжаем сегодня вечером.

– Сегодня вечером!

– Или тебе больше по вкусу помогать республике?

– Республике! Какой республике?

– Той, которая будет объявлена в Париже в самом непродолжительном времени после падения Людовика-Филиппа.

– Падение Людовика-Филиппа! Республика во Франции!

– Да, французская республика, единая, нераздельная... Для нашего общего блага. Ну что же, подождем. – И кардинал загадочно улыбнулся, нюхая табак.

Граф с изумлением смотрел на него, а потом вскричал:

– Как, дядя, вы говорите это серьезно?

– Мой бедняга Гонтран, или ты ослеп и оглох? – проговорил кардинал, пожимая плечами. – А эти банкеты, которые революционеры задают вот уже три месяца?

– О, дядя! – смеясь, вскричал полковник. – Неужели вы считаете, что эти пьяницы, которые угощаются дешевым вином и телятиной по двадцать су с персоны, способны...

– Эти простаки, и я вовсе не осуждаю их за это, вскружили головы дуракам, которые их слушали. Они играют порохом, как игрушкой, но скоро мина будет взорвана и трон Орлеанского дома взлетит на воздух.

– Это не может принять серьезного оборота, дядя. Ведь здесь пятьдесят тысяч солдат. Стоит только черни пошевелиться, и она будет разорвана на клочки. Положение Парижа так спокойно, что, несмотря на маленькое волнение вчера утром, солдатам не запрещено даже уходить из казарм.

– В самом деле? Тем лучше, – сказал кардинал, потирая руки. – Если республика полетит к черту, то Орлеанский дом вернется на прежнее место, а вместе с ним и мы. Ах, мой друг, никогда наши дела не были в лучшем положении!

– Даже если Орлеанский дом будет свергнут и объявлена республика?

Кардинал пожал плечами:

– Может быть одно из двух: или республика этих босяков даст анархию, диктатуру, эмиграцию, грабеж, гильотину, войну с Европой, и в таком случае это продолжится самое большее шесть месяцев, а затем с торжеством вернется Генрих Пятый, или же, напротив, республика их будет кроткой, легальной, умеренной, основанной на всеобщей подаче голосов.

– Что же произойдет в этом случае, дядя?

– Тогда это продлится дольше, но мы ничего не потеряем, если будем выжидать. Пользуясь нашим влиянием на крупных землевладельцев, агитируя среди крестьян при помощи низшего духовенства, мы будем держать выборы в своих руках и примем все меры, чтобы поселить в умах недоверие и страх перед революционным режимом. И вот, в конце концов, кредит республики будет подорван, и она погибнет естественной смертью при общих проклятиях, которые обрушатся на нее со всех сторон. Тогда на сцену выступим мы. Изголодавшийся народ, истощенные буржуа бросятся к нашим ногам, умоляя нас вернуть Генриха Пятого и спасти Францию. Настанет час, когда мы продиктуем свои условия. А наши условия будут такими: или все, или ничего! Мы потребуем короля, опирающегося на всесильное духовенство, сильную аристократию и беспощадную армию – сто или даже двести тысяч иностранных войск, если в том явится надобность, и Священный союз даст нам их. И общая нужда будет так ужасна, утомление и страх так велики, что наши требования будут немедленно удовлетворены. Тогда мы примем самые решительные и жестокие меры, а именно восстановим духовный суд, возобновим закон тридцатого года относительно святотатства и оскорбления величества, будем производить суд и приводить в исполнение приговоры в течение двадцати четырех часов, чтобы в корне уничтожить всех этих революционеров и безбожников. Если будет надо, мы с этой целью прибегнем к террору, к Варфоломеевской ночи... Франция не погибнет от этого, напротив, она станет только здоровее, так как нуждается в таких кровопусканиях время от времени. Затем, дело образования надо передать в руки иезуитов. Далее, надо уничтожить централизацию – это она дала силу революции. Надо разбить провинции на отдельные части, в которых мы будем властвовать при помощи духовенства и крупных собственников. Для нас невыгодно поддерживать дружеские сношения между населением провинций, и вот, чтобы помешать этому, мы постараемся разжечь соперничество, зависть, заставим вспыхнуть старую взаимную ненависть, которую некогда питали провинции друг к другу. В этом смысле будет благоприятна и вспышка гражданской войны: люди, питающие друг к другу ненависть, не могут совместно составлять заговоры.

Бессердечная логика кардинала отталкивала от себя Плуернеля. Несмотря на свое происхождение и врожденные сословные предрассудки, он уже более или менее применился к настоящему порядку вещей. Конечно, он предпочел бы, чтобы во главе Франции стояли законные государи, но не думал о том, что для достижения этого нужны крайние меры и что только те жестокие средства, о которых говорил кардинал, в состоянии вызвать полный и прочный переворот в государстве. Поэтому он сказал с улыбкой:

– Но подумайте только, дядя! В наше время изолировать население провинций – разве это возможно? А как же пути сообщения, железные дороги?

– Железные дороги! – вскричал кардинал, выходя из себя. – Это изобретение дьявола, годное только на то, чтобы распространять революционную чуму с одного конца Европы до другого. Как могли монархи Священного союза поддаться на эти дьявольские выдумки! Они дорого заплатят за это. Что делали наши предки с целью усмирить непокорных галлов,

восстававших против нас? Они запрещали им под страхом смерти покидать свои земли, и тем ослабляли и умирляли их. Такой политики следует держаться нам и теперь.

– Но ведь вы не станете же уничтожать железные дороги?

– Почему бы и нет? Разве франки, наши предки, не разрушили пути сообщения, устроенные в Галлии этими язычниками римлянами? Проклятие всем этим пышным памятникам Сатаны! Клянусь собственной кровью, человек ухитрился превратить долину слез в земной рай, точно первородный грех его прародителей не сделал для него уделом вечные муки.

– Остановитесь, милый дядюшка! – вскричал полковник. – Меня не привлекает такая мрачная будущность.

– Какой же ты еще ребенок! Неужели ты не понимаешь, что для того, чтобы большая часть человеческого рода не только страдала, но и сознавала свои страдания, необходимо, чтобы у них всегда перед глазами была горсть избранных, пользующихся полным довольством и счастьем!

– Для контраста, дорогой дядюшка?

– Ну понятно! Ведь мы не можем составить себе понятия о глубине долины иначе как по сравнении ее с окружающими возвышенностями... Впрочем, довольно философствовать. Ты знаешь, у меня верный глаз. Положение дел именно таково, каким я тебе его рисую. Последуй моему примеру: реализуй твое состояние, переведи его в Лондон, и завтра мы уезжаем из Парижа. Двор и министерство настолько беспечны, что не принято никаких мер предупреждения восстания. Военное положение не объявлено – можешь спокойно выйти в отставку, не совершая ничего бесчестного...

– Нет, дядя. Это все-таки будет трусость! Республику провозгласить без битвы нет возможности, и я в ней приму участие.

– Ты будешь защищать трон этих презренных Орлеанов?! – вскричал кардинал.

– Я так же, как и вы, не люблю их. Но я служу им в их армии, а если у армии нет воли, ее заменяет дисциплина. Еще раз повторяю: если вы понимаете положение дел правильно, а ваша опытность в том порукой, то не сегодня завтра у нас будет битва. Я был бы подлецом, если бы вышел в отставку в это время.

– Ты предпочитаешь быть задушенным канальей народом на баррикадах и умереть за династию Орлеанов?

– Я солдат и исполню свой долг до конца!

– Но, упрямец, с твоей смертью прекратится наш род!

– Ну, дядюшка, если поискать хорошенько, наверняка найдется где-либо побочное потомство Плуернелей, потомство, как говорится, с левой руки. Вы разыщите какого-либо незаконного Плуернеля, усыновите его, и он продолжит наш род. Незаконный ребенок, вы знаете, всегда приносит счастье!

– Сумасшедший! Так играть своей жизнью в то время, когда перед нами открывается самое заманчивое будущее! Когда, побежденные и сломленные потомками тех, кто в течение четырнадцати столетий был нашим вассалом и рабом, мы наконец одним ударом сотрем позор последних пятидесяти лет! Теперь, когда, умудренные опытом, покровительствуемые стечением обстоятельств, мы сделаемся еще могущественнее, чем до восемьдесят девятого года! Мне жаль тебя. Расы вырождаются! – вскричал старик, вставая. – Если бы все наши походили на тебя, наше дело было бы проиграно.

В это время в комнату вошел лакей и доложил:

– Господин граф, там пришел торговец холста с улицы Сен-Дени. Он дожидается в передней.

– Проведите его в портретную залу.

Слуга вышел, а полковник обратился к кардиналу, который схватил свою шляпу и направился к двери:

– Ради бога, дядя, не уходите от меня разгневанным.

– Я не сержусь, но мне стыдно за тебя.

– Ну успокойтесь, дядя!

– Хочешь ехать со мной в Англию? Да или нет?

– Нет.

– Ну тогда ступай к самому дьяволу! – вскричал кардинал в бешенстве, забывая свой сан, и запер за собой дверь.

Марика Лебрена провели в роскошно меблированную залу. Стены ее были увешаны семейными портретами. Рассматривая их, Лебрен испытывал смесь любопытства и горечи. Он переходил от одного к другому, и вид их, казалось, будил в нем массу воспоминаний. Взгляд его задумчиво останавливался на этих неподвижных фигурах, немых, точно привидения. Он внимательно прочитывал имевшиеся под портретами подписи, и некоторые имена, судя по выражению его лица, возбуждали в нем то гнев, то презрение.

Глава VI

Лебрен так глубоко задумался, рассматривая портреты, что вздрогнул, когда в комнату вошел Плуернель.

Несмотря на самообладание, торговец холстом не мог скрыть легкого волнения, очутившись лицом к лицу с потомком этой древней фамилии. Прибавим к этому, что Лебрен был предупрежден Жаникой о том, что полковник часто останавливался перед витринами его магазина. Но он принял столь добродушно-простоватый и в то же время немного растерянный вид, что Плуернель приписал его почтению, которое он должен был внушать этому продавцу с улицы Сен-Дени. С оттенком покровительственной фамильярности граф указал ему на кресло и, сядя сам, сказал:

– Не стойте же, мой милый, садитесь, я этого требую.

– О сударь, – произнес Лебрен, неловко кланаясь, – вы мне оказываете такую честь, право...

– Ну-ну, без церемоний, пожалуйста. Вчера я имел удовольствие видеть милую госпожу Лебрен и говорить с ней о большом заказе на холст для моего полка.

– Мы очень счастливы, сударь, что вы удостоили нашу бедную торговлю своим заказом. Я пришел узнать, сколько именно холста вам требуется и какого качества. Вот образчики. – Лебрен с деловым видом стал рыться в кармане пальто. – Не угодно ли выбрать? Цены я назначу самые настоящие, без запроса.

– Я выбирать не буду, господин Лебрен. У меня четыреста пятьдесят драгун, и мне нужно столько же рубашек из добротного полотна. Вы не только поставите полотно, но и сошьете рубашки. Цену вы назначите сами.

– А к какому сроку нужен этот заказ? – спросил купец, вставая. – Если очень спешно, то за работу придется заплатить немного дороже.

– Сначала сядьте снова, мой друг, и не спешите как на пожар. Кто вам сказал, что у меня нет для вас других заказов?

– Я сяду, если вы желаете... А к какому сроку нужно это исполнить?

– К концу марта.

– В таком случае, сударь, четыреста пятьдесят рубашек из хорошего полотна обойдутся по семи франков штука.

– Честное слово, это недорого. Вероятно, вам нечасто приходится слышать такие комплименты?

– Правда, что нечасто, сударь. Но вы говорили еще о других заказах...

– Черт возьми, мой милый, вы человек деловой!

– Что делать, сударь, на то я и купец, чтобы продавать.

– А хорошо у вас идет торговля в настоящее время?

– Гм, нельзя сказать, чтобы очень.

– В самом деле? Тем хуже, мой милый господин Лебрен. Это должно быть не особенно приятно вам, потому что ведь у вас семья?

– Вы очень добры, сударь... Да, у меня есть сын.

– И вы собираетесь сделать из него преемника себе?

– Само собой, сударь. Он учится в Центральной коммерческой школе.

– Уже учится? Славный малый! И кроме сына у вас никого нет?

– Есть еще дочь, сударь.

– Как, и дочь также! Добрый мой господин Лебрен! Ну, если она похожа на мать, то должна быть очаровательна.

– Да, она у меня недурненькая.

- Вы, должно быть, гордитесь ею. Что, разве я не угадал?
- Черт возьми, сударь, я не отрицаю этого.
- А знаете, у меня есть просьба к милой госпоже Лебрен.
- Она к вашим услугам, сударь.
- Я собираюсь в скором времени устроить на казарменном дворе карусель, и мои драгуны будут упражняться в верховой езде. Обещайте мне, что придете как-нибудь в воскресенье посмотреть на репетицию карусели и приведете с собой госпожу Лебрен.
- О, сударь, вы оказываете нам слишком много чести! Мне совестно...
- Ну полно, мой друг, вы шутите. Итак, это решено?
- А могу я привести и своего мальчика?
- Конечно!
- И дочь?
- Как вы можете задавать мне такой вопрос, мой милый господин Лебрен?
- В самом деле, сударь? Вы не найдете ничего дурного в том, если моя дочь...
- Напротив! Да ведь это идея, блестящая идея!
- Что такое, сударь?
- Слышали вы когда-нибудь о древних турнирах?
- О турнирах? Прошу извинения, сударь, но такие простые люди, как мы...
- Это во времена рыцарства были такие турниры, мой милый Лебрен, и на этих турнирах состязались некоторые из моих предков, которых вы видите здесь на портретах.
- Как! – вскричал с изумлением торговец. – Так эти господа ваши предки? Я и то думал себе, что есть что-то общее фамильное у вас с ними.
- Вы находите?
- Нахожу, сударь, простите за смелость.
- Будет вам все извиняться! Оставьте вы эти церемонии, мой милый. Так вот, на этих турнирах всегда присутствовала королева красоты, которая раздавала победителям призы. Пусть же этой королевой на карусели будет ваша прелестная дочь. Она вполне достойна этого.
- О сударь, нет, это уже чересчур. И разве вы не находите, что так стоять на виду, перед всеми этими драгунами... Это немножко, прошу извинить за смелость, немножко... Как бы это выразиться? Немножко...
- Не будьте таким подозрительным, мой милый Лебрен. В древнее время королевами турниров бывали самые знатные дамы, а под конец они даже целовали победителя.
- Оно, положим, так, но они уж были привычны к этому, а моя дочь... Видите ли, девочке восемнадцать лет, и она воспитана совсем по-буржуазному.
- Успокойтесь, я ни одной минуты не думал о том, чтобы ваша дочь целовала победителя состязаний.
- Как вы добры, сударь! И если вы настолько снисходительны, что позволите моей дочери не целовать...
- Но это само собой разумеется! Какое тут может быть позволение? Я счастлив уже тем, что вы и ваше семейство принимаете мое приглашение.
- О сударь, это мы должны принять за честь, за высокую честь, что вы нас приглашаете. Я вижу отлично, что вы желаете нас осчастливить.
- Что поделаешь, мой милый! Бывает так, что люди сразу придутся по душе. И потом мы оказались таким честным человеком относительно моего заказа...
- По совести, сударь!
- ...что я сейчас же сказал себе: «Чудесный, должно быть, человек, этот добряк Лебрен! Хотелось бы мне оказать ему маленькую любезность или даже услугу».
- Ах, сударь, я не знаю, куда мне деваться от смущения!

– Послушайте, вы сейчас говорили мне, что ваши дела идут неважно. Хотите, я уплачу вам вперед за весь заказ? Не стесняйтесь, говорите откровенно. Сумма порядочная! Я вам дам чек на моего банкира.

– Уверю вас, сударь, что мне не нужен аванс.

– Но времена теперь тяжелые. Вот то время, когда жили эти господа, было славным, добрым временем, – прибавил граф, показывая на висевшие на стенах портреты.

– В самом деле, сударь?

– И как знать? Быть может, это доброе старое время еще вернется.

– В самом деле? Вы так думаете?

– В другой раз мы поговорим о политике. Вы интересуетесь политикой?

– Где уж нам, торговцам...

– Ах, мой милый, вы сами точно родились в то доброе старое время! Вы тысячу раз правы, не занимаясь политикой. В то старое время, о котором я говорил, никто не рассуждал. Король, духовенство и аристократия приказывали, а народ повиновался без возражения.

– Черт возьми! Да, это было очень просто и удобно, сударь! Если я верно вас понял, король, священники и вельможи говорили: «Делайте так!» – и народ делал?

– Вот именно.

– «Платите!» – и народ платил?

– Конечно.

– «Ступайте туда-то!» – и они шли?

– Ну да, именно.

– Совсем как на учении: направо, налево кругом, марш! Стой! Не надо было даже трудиться желать того или другого: король, вельможи и духовенство избавляли нас от этого труда, желая за нас... И такой-то порядок вещей изменили! Безвозвратно изменили!

– Не надо отчаиваться, мой милый Лебрэн.

– Да услышит вас Бог! – произнес торговец, вставая и кланяясь. – Мое почтение, сударь!

– Итак, до воскресенья на карусели, мой милый. Вы придете всей семьей. Это решено?

– Непременно, сударь, непременно. Моя дочь не пропустит такой праздник... Тем более что она будет королевой... королевой...

– Королевой красоты, мой милый. Не я, а сама природа предназначила ей эту роль.

– С вашего позволения, сударь...

– В чем дело?

– Я передам дочери от вашего имени то, что вы о ней сейчас говорили.

– Даже прошу вас об этом. Впрочем, я сам зайду к вам запросто, чтобы напомнить о приглашении дорогой госпоже Лебрэн и ее прелестной дочери.

– Ах, сударь, бедняжки будут так польщены вашей добротой! О себе я уж и не говорю. Если бы мне дали орден Почетного легиона, я и тогда не чувствовал бы себя таким гордым.

– Добряк Лебрэн, да вы прелесть что такое!

– Ваш покорный слуга, сударь, – сказал торговец, уходя из комнаты.

Но в дверях он остановился, почесал себя за ухом и снова вернулся к Плурнелю.

– В чем дело? – спросил граф, удивленный его возвращением.

– В том, что мне пришла в голову одна мысль... Прошу извинить за смелость...

– Черт возьми! Почему же вам не могут приходить мысли, как и всякому другому?

– Оно правда, сударь, иногда и у маленьких людей, как и у великих, в голове забродит, как выражается Мольер.

– Мольер? Вы читали Мольера? Впрочем, я заметил уже, что вы иногда выражаетесь старинным языком.

– И вот почему, сударь, когда вы говорили со мной, подобно тому как Дон Жуан с Диманшем или Дорант с Журденом...

– Что это значит? – вскричал Плуернель, удивляясь все более и начиная подозревать, что торговец не такой простак, каким прикидывался.

– ...тогда, – продолжал Лебрэн со своим лукавым простодушием, – и я, в свою очередь, заговорил языком Диманша и Журдена. Прошу извинить за смелость. Что же касается мысли, которая пришла мне в голову, так, видите ли, по моему неразумию мне показалось, что вы будете не прочь взять мою дочь себе в любовницы.

– Как! – вскричал граф, совершенно теряясь от такого неожиданного поворота дела. – Я не понимаю, что вы хотите этим сказать.

– Видите ли, сударь, я простой человек и говорю вам: по моему неразумию...

– Но вы с ума сошли! Вы не понимаете, что говорите!

– Правда? Вы находите? Я сказал себе, следуя за ходом моих неразумных мыслей, сударь... Я сказал себе: я честный торговец с улицы Сен-Дени, я продаю полотна, у меня красивая дочь. Знатный молодой господин увидел мою дочь, она ему понравилась, и вот он делает мне выгодный заказ, да в придачу еще предлагает и услуги, и под этим предлогом устраивает карусель ради прекрасных глаз моей дочери, приходит к нам частенько, разыгрывая роль доброго принца, с единственной целью в конце концов соблазнить мою дочь. Но теперь я вижу, что ошибся, и очень рад этому. Потому что иначе я вынужден был бы сказать вам самым смиренным и почтительнейшим образом, какой единственно и подобает такому маленькому человечку, как я: прошу извинить за смелость, мой знатный господин, но уж теперь не соблазняют таким образом дочерей добрых буржуа! Вот уж пятьдесят лет, как это не делается. Буржуа с улицы Сен-Дени могут не опасаться более королевских приказов об аресте и Бастилии, как в прежнее время. И если господин маркиз или господин герцог вздумает отнестись без уважения к ним или к их семействам, то буржуа с улицы Сен-Дени могут и побить с них спесь, прошу извинить за смелость.

– Черт возьми! – вскричал полковник, едва сдерживая себя и бледнея от ярости. – Что это, угроза?

– Нет, сударь, – сказал Лебрэн, переходя с иронически-простодушного тона на сдержанный и полный достоинства. – Нет, это не угроза, а... урок!

– Урок! Урок – мне!

– Сударь! Несмотря на слабости и предрассудки вашего класса общества, в вас есть чувство чести. Поклянитесь же честным словом, что, делая мне ваши предложения, вы не имели намерения соблазнить мою дочь. Поклянитесь в этом, и я возьму назад все, что сказал!

Плуернель покраснел, опустил глаза перед пристальным взглядом торговца и не произнес ни слова.

– Да, – проговорил с горечью Лебрэн, – они неисправимы. Они ничего не забыли, ничему не научились за это время. Мы для них по-прежнему побежденные, рабы, низшая раса.

– Сударь!

– Оставьте, я знаю, что говорю. Но теперь не те времена, чтобы, изнасиловав дочь, вы могли бы отдать распоряжение наказать отца розгами и повесить у дверей вашего замка, как это делалось в старое время и как поступил с одним из моих предков вот этот вельможа... – И Лебрэн указал на один из портретов. – Вам казалось, что это очень просто – сделать мою дочь своей любовницей. Я больше не раб ваш, не слуга и не крепостной, и вот вы, разыгрывая доброго принца, милостиво приказываете мне сесть и надменно называете меня «мой милый Лебрэн». Графский титул более не существует, но вы продолжаете носить это звание и пользоваться его выгодами. Все граждане давно объявлены равными, но вам показалось бы чудовищным, если бы ваша дочь или сестра вышла замуж за простого буржуа. Стоит

только вам и дворянам приобрести прежнюю власть, и вы захотите восстановить все ваши прежние привилегии, которые будут так же давить нас, как давили некогда наших отцов.

Плуернель так опешил от такого неожиданного оборота вещей, что долго не был в состоянии прервать речь Лебрена. Но наконец он произнес с высокомерной иронией:

– Мораль того прекрасного урока, который вы милостиво оказываете мне, состоит, очевидно, в том, что священников и аристократов надо выставлять у позорного столба, как в прекрасные дни девяносто третьего года, а дочерей их выдавать замуж за всяких проходимцев?

– Не будем говорить об этой печальной мести, – сказал торговец с грустью, полной достоинства. – Забудьте о том, что ваши отцы претерпели в эти несколько ужасных лет. Я, со своей стороны, постарался забыть те пытки, которые наши предки выносили от ваших, – и не в течение каких-либо трех-четырех лет, а в продолжение пятнадцати столетий. Выдавайте своих дочерей за кого хотите, это ваше право, но, повторяю, даже этот ничтожный факт служит доказательством, что в ваших глазах люди всегда будут делиться на две разные породы.

– А если бы и так, какое вам дело до этого?

– Очень большое, сударь! Священный союз, божественное и неограниченное право короля, всемогущество священства и кровной аристократии – все это следствия убеждения, что существуют две породы, высшая и низшая, одна предназначенная для того, чтобы повелевать, другая – чтобы повиноваться и страдать. Вы спрашиваете, какова мораль моего урока? Извольте, вот она: дорожа той свободой, которую наши отцы добыли ценой своей крови, и не желая, чтобы со мной обращались как с рабом, я пользуюсь своим правом подавать на выборах голос против вашей партии, пока она действует на законной почве. Но если только она пойдет незаконным путем, как в тридцатом году, чтобы привести к правлению произвола и господству попов, как это было до восьмидесяти девятого года, – я иду на улицу и стреляю в вашу партию.

– Она вернет вам ваши выстрелы!

– Совершенно верно. Но зачем эта война? К чему кровь с обеих сторон? Зачем мечтать о прошлом, которое все равно никогда не вернется, которое не может вернуться? Разве недостаточно того, что вы нас мучили и эксплуатировали в течение пятнадцати столетий? Разве мы хотим прижать вас в свою очередь? Нет, нет, тысячу раз нет! Свобода досталась нам слишком дорого, мы ценим ее очень высоко и не станем отнимать ее у других. Но что делать? Вы обращаетесь за помощью к чужим государствам, вы возбуждаете гражданские войны, вы постоянно производите нападки на революции, вы тесно сблизились с духовенством – все это волнует и возбуждает нас. К чему это? Разве человечество шло когда-либо назад? Вы можете надеть, сударь, много зла, но что касается божественного права и ваших привилегий, то песенка их спета. Будущее принадлежит демократии!

Голос Лебрена и его манера говорить сильно подействовали на Плуернеля. Он не был побежден, но слова противника поколебали его. Врожденная расовая гордость боролась в нем с желанием сказать торговцу, что тот, во всяком случае, встретит в нем великодушного врага.

В эту минуту дверь с шумом отворилась, и вошедший капитан торопливо сказал полковнику:

– Простите, полковник, что врываюсь так бесцеремонно, но сейчас получен приказ по полку сесть на лошадей и быть готовыми к сражению, ожидая во дворе казарм приказаний.

Лебрен собирался покинуть комнату, но Плуернель сказал ему:

– Дела принимают такой оборот, что, принимая во внимание ваш образ мыслей, очень возможно, что я буду иметь честь встретить вас, сударь, завтра же на баррикадах.

– Я не знаю, что будет, сударь, но я не боюсь и ничего не имею против такой встречи. Я полагаю, что лучше отложить пока дело о поставке товара, – прибавил он с улыбкой.

– Я с вами согласен, – ответил полковник, принужденно кланяясь.

Глава VII

Во время предыдущего разговора Лебрена с Плуернелем жена и дочь торговца, по обыкновению, сидели в магазине. Госпожа Лебрэн проверяла счетные книги. Это была высокая женщина сорока лет. В ее видной фигуре сохранились следы былой красоты. В чертах лица ее и во всех движениях проглядывали спокойствие и твердость характера, напоминавшие древних галльских женщин. Ее дочь, Велледа Лебрэн, сидела рядом с ней, занимаясь шитьем. Кто видел ее в первый раз, того поражала ее дивная красота, гордая и задумчивая. Трудно было представить себе что-либо прелестнее ее голубых глаз, ослепительного цвета лица и каштановых волос, отливающих местами золотом. Высокая, сильная и стройная, она действительно походила на ту знаменитую Велледу, древнюю героиню галлов, в память которой отец и дал ей имя.

В то время как мать и дочь мирно занимались своими делами, знакомый нам Жильдас Паку стоял в сильном волнении на пороге двери. В данную минуту его занимало сделанное им открытие, что улица Сен-Дени и сам дом Лебренов вовсе не походят на мирные и тихие места, какие он ожидал найти со слов своей матери.

Вдруг Жильдас обернулся к хозяйкам и взволнованно проговорил:

– Сударыня, сударыня, вы слышите?

– Что такое, Жильдас? – спросила хозяйка, продолжая спокойно писать.

– Но, сударыня, бьет барабан! А теперь... Бог мой! Вот бегут люди!

– Ну что же, Жильдас, пускай бегут.

– Это сигнал сбора войска, – сказала Велледа, прислушавшись с минуту. – Верно, боятся, чтобы не усилилось волнение, которое началось еще вчера.

– Жаника, – сказала хозяйка служанке, – надо приготовить мундир барина. Может быть, он спросит его, когда вернется домой.

– Хорошо, сударыня, – ответила Жаника, уходя в комнаты.

– Жильдас, – позвала госпожа Лебрэн, – вам видны отсюда ворота Сен-Дени?

– Да, сударыня, – ответил Жильдас, дрожа от страха. – А разве надо туда пойти?

– Нет, успокойтесь. Скажите нам только, много ли там собралось народу?

– О, очень много, сударыня! Настоящий муравейник! Но боже мой! Сударыня!

– Ну что еще?

– О, сударыня! Люди в блузах останавливают барабанщиков и прорывают барабаны...

И вот все бегут оттуда... Слышите, какой крик? Не запереть ли магазин?

– Ну, вы не из храбрых, Жильдас, – сказала с улыбкой молодая девушка, продолжая шить.

В эту минуту перед магазином остановился человек, одетый в блузу. Он с трудом тащил маленькую ручную тележку, нагруженную, по-видимому, очень тяжелым товаром. Оставив тележку на тротуаре, он вошел в магазин и обратился к хозяйке:

– Здесь живет господин Лебрэн?

– Здесь, сударь.

– Я привез ему четыре тюка.

– С полотном, наверное?

– Должно быть, что так, сударыня, – отвечал с улыбкой посланный.

– Жильдас, помогите внести их в комнату!

– Должно быть, очень туго свернуто это полотно, – проговорил Жильдас, с трудом помогая вносить длинные круглые тюки, обернутые толстым серым холстом. – Они тяжелы, как свинец.

– В самом деле, дружище? – сказал пришедший, пристально глядя на мальчика, который опустил глаза и сильно покраснел. – А теперь, – обратился он к хозяйке, – я исполнил данное мне поручение. Советую вам не класть этих тюков в сырое место или возле огня в ожидании господина Лебрена – эти полотна очень... очень чувствительны.

Он вышел из магазина, взял свою тележку и быстро удалился.

В это время молодая девушка, которая завтракала у Плуернеля во время визита кардинала, выходила из дома, где жил Жорж Дюшен и который был как раз напротив магазина полотен. Вид у Праделины был печальный и взволнованный. Поравнявшись с магазином, она бросила любопытный взгляд в дверь, но Жильдас почти совсем загораживал вход, стоя в открытых дверях. Заметив, что молодая девушка медлит около двери и всматривается в нее, мальчик приписал ее внимание тому обстоятельству, что она заинтересовалась его особой, и стыдливо потупился, покраснев до ушей и оставаясь точно пригвожденным к порогу. Затем он увидел, что Праделина снова перешла на другую сторону улицы и вошла в кафе.

Но наблюдения его за молодой девушкой были внезапно прерваны новым событием. Перед дверью остановилась четырехколесная тележка, запряженная сильной лошадью и нагруженная тремя большими плоскими ящиками около двух метров высоты. На них была надпись: «Осторожно».

В тележке сидели двое людей в блузах. Одним из них был тот самый Дюпон, что являлся уже в магазин рано утром, а другим – почти старик с густой седой бородой. Пройдя в магазин, Дюпон обратился к хозяйке:

– Господина Лебрена нет дома?

– Нет, сударь.

– Мы привезли ему три ящика со стеклом.

– Хорошо, – отвечала хозяйка. – Помогите им внести ящики в комнаты, Жильдас.

Дюпон с товарищем и Жильдас только что успели внести ящики, как раздался сильный шум, и в лавку донеслись оглушительные крики:

– Да здравствует революция!

Жильдас бросился к двери.

– Надо спешить, – сказал Дюпон своему товарищу. – Иначе нашу тележку возьмут для баррикады, а нужно еще исполнить кое-какие поручения.

И, вскочив в тележку, они хлестнули лошадь и скрылись в направлении противоположном тому, откуда раздавались крики.

Жильдас с возрастающим беспокойством следил за новым движением толпы. Вдруг он снова заметил Праделину, только что вышедшую из кафе и направляющуюся к магазину с письмом в руках.

«Вот сумасшедшая! Это она мне, должно быть, написала, – подумал Жильдас. – Любовное письмо! Она бесчестит меня в глазах хозяев».

И Жильдас, растерявшись, запер дверь магазина на ключ и отошел к прилавку.

– К чему вы запираете дверь? – спросила его хозяйка.

– Сударыня, это я из предосторожности. Там идет целая толпа людей, и лица у них такие страшные...

– Но вы совсем потеряли голову, Жильдас! Отворите дверь.

– Но, сударыня...

– Делайте, что я приказываю! Слышите? Кто-то стучится, кто-то хочет войти. Откройте же дверь.

«Это та сумасшедшая с письмом, – подумал Жильдас, полуживой от волнения. – И к чему я только уехал из моего тихого родного городка?»

Открывая дверь, он чувствовал, как сильно бьется его сердце, но вместо молодой девушки с письмом он увидел перед собой своего хозяина Лебрена с сыном.

Глава VIII

Госпожа Лебрен очень удивилась и обрадовалась при виде сына, так как не ждала его прихода из школы. Велледа нежно поцеловала брата, а Лебрен пожал руку жене. Сакровир Лебрен, названный в честь одного из великих галльских патриотов, был высоким и крепким юношей двадцати лет с открытым и смелым лицом. Над его верхней губой и на подбородке начал уже пробиваться пушок.

Целуя его, мать сказала:

– Я не ожидала, что ты придешь сегодня, дитя мое.

– Я зашел за ним и взял его из школы. Сейчас расскажу причину, милая Генори.

– Мы с Велледой удивлялись уж, что ты запоздал. Кажется, волнение в городе растет. Ты слышал, что барабан бил сбор войскам?

– Париж охвачен лихорадкой! – вскричал Сакровир с блестящими от восторга глазами. – Сейчас видно, что у всех сердца бьются быстрее. На всех улицах раздаются зажигательные речи, патриотические воззвания к оружию. О, как прекрасно это пробуждение народа!

– Ну успокойся, энтузиаст, – сказала с улыбкой его мать.

И она провела своим платком по его влажному лбу.

Господин Лебрен тем временем позвал приказчика:

– Жильдас, в мое отсутствие должны были принести ящики.

– Да, сударь, с полотном и стеклом. Они там, в комнате за магазином.

– Хорошо, оставьте их там и, главное, не подходите с огнем к тюкам.

«Значит, это легко вспыхивает, как кисея и газ? – подумал Жильдас. – А между тем тюки тяжелы, как свинец. Удивительные вещи здесь происходят, право!»

– Милый друг, – сказал Лебрен жене, – нам надо поговорить. Не пойти ли в твою комнату, пока Жаника будет тут накрывать на стол? А вы, Жильдас, закройте ставни в магазине. Сегодня уж не удастся поторговать.

– Закрыть магазин? О, сударь, вы совершенно правы! Я сам давно думал об этом.

И он побежал исполнять приказание хозяина, который крикнул ему:

– Только не заставляйте ставнями входную дверь, потому что ко мне должны прийти! Приходящих вы приведете в комнату за магазином и скажете мне.

– Слушаю, сударь, – ответил Жильдас со вздохом. Он предпочел бы, чтобы магазин был закрыт совершенно, а входная дверь заперта железным засовом.

– А теперь, мой друг, – сказал Лебрен жене, – пойдем наверх в твою комнату.

Уже почти совсем стемнело. Вся семья собралась в спальне Лебрена и его жены.

– Милая Генори, – сказал Лебрен торжественным голосом, – мы накануне важных событий.

– Я так и думала, мой друг, – ответила задумчиво жена.

– Вот в каком положении дела в данный момент. Тебе надо знать это, чтобы судить о том, правильны ли мои решения или нет. После трех месяцев, в течение которых устраивались банкеты реформистов, депутаты призвали вчера народ на улицы. Но мужество изменило этим агитаторам в последнюю минуту, и они не решились явиться на ими же самими назначенное свидание. Мы не удовлетворимся теперь мелочными уступками и полумерами. Народ хочет свержения монархии, хочет республики, добивается политических прав для всех. Мы желаем доступного для всех образования, благосостояния, работы, кредита, открытого для всех, кто заслуживает его честностью и работой. Вот чего мы желаем, жена. Правы мы или нет?

– Правы, – сказала госпожа Лебрен твердым голосом, – совершенно правы!

– А теперь я тебе скажу, чего мы *не* желаем. Мы не хотим, чтобы всего двести тысяч избранных и привилегированных избирателей одни решали судьбу тридцати восьми миллионов пролетариев и мелких собственников. Ведь это то же рабство, ведь точно так же наши предки были крепостными у кучки пришлых завоевателей, которые грабили и эксплуатировали их в течение двадцати столетий. Мы не желаем выборного или промышленного феодализма, точно так же как феодализма прежнего, как отношений завоевателей к покоренным. Правильно ли я говорю?

– Все это так! – сказала госпожа Лебрен с волнением. – Рабство существует и до сих пор. Я видела, как женщины, не имея достаточного заработка, истомленные непосильным трудом и нуждой, медленно умирали с голоду. Я знаю девушек, находящихся в рабстве у фабрикантов, которым приходится выбирать одно из двух: или быть обесчещенной, или бросать место, то есть идти на голодную смерть. Я знаю, как мелким торговцам, честным, работающим и интеллигентным, приходится быть рабами крупных промышленников и банкиров, приходится разоряться и гибнуть вследствие каприза или жадности этих последних. Да, твоя решимость справедлива, и ты правильно поступаешь, потому что, если тебе и удавалось до сих пор счастливо избегать неудач, то, во всяком случае, ты должен помочь в несчастьях своим братьям.

– Мужественная и великодушная женщина, я чувствую, как силы у меня удваиваются. Я и не сомневался в тебе. Но эти права, которых мы требуем для наших братьев, нужно завоевать силой оружия. И потому сегодня в ночь – баррикады, завтра с рассветом – сражение. Оттого я и привел сына из школы. Ты одобряешь мое решение?

– Да, – ответила госпожа Лебрен, – место сына около тебя. А где та баррикада, за которой вы будете стоять?

– У наших дверей, – отвечал муж, – это решено уже.

– Тем лучше, – сказала жена. – Мы будем около вас.

– Мама, – проговорила Велледа, – не надо ли на эту ночь заготовить бинты и корпию? Будет много раненых.

– Я уже подумала об этом, дитя мое. В магазине будет устроен госпиталь.

– О мама, сестра! – восклицал Сакровир. – Биться у вас на глазах за свободу! Кровь так и кипит во мне! Но, – прибавил он, вдруг задумавшись, – как ужасно, что братья убивают друг друга!

– Да, это грустно, дитя, – сказал Лебрен. – Но кровь убитых падет на голову тех, кто вынуждает народ отстаивать свои права с оружием в руках, как мы будем делать это завтра и как делали наши отцы почти каждое столетие. Еще слава богу, что в наше время сражаются без взаимной ненависти: солдаты – во имя дисциплины, а народ – во имя своих прав. Это дуэль, после которой противники протягивают друг другу руки. Но я или сын можем погибнуть на баррикадах, надо сделать последние распоряжения. Однако раньше еще одно последнее слово: вы увидите, что мы будем улыбаться там, где другие побледнеют от ужаса. Мы не страшимся смерти оттого, что в нас сильна вера наших отцов. Ведь смерть – это только освобождение души от земной оболочки и временная разлука с теми, кого мы любим. Рано или поздно, но мы снова соединимся с ними там, где скрыты тайны будущей жизни, прекрасной и бесконечной. Смерть – это только возрождение.

– И я так же думаю о смерти! – вскричал Сакровир. – Мне даже любопытно будет умирать. Сколько нового и чудного ожидает нас в будущем!

– Мой брат прав, – сказала молодая девушка, – там должно быть прекрасно. И целую вечность не расставаться! Сколько интересных путешествий можно совершить по нашей земле и по другим планетам. Право, когда думаешь об этом, то является нетерпение скорее увидеть и узнать будущую жизнь!

– Ну, не будь такой нетерпеливой, – сказала мать с нежным упреком. – Помнишь, когда ты была маленькая, я часто бранила тебя за то, что, срисовывая что-нибудь, ты всегда больше думала о том рисунке, который будешь рисовать после, чем о том, которым занималась в ту минуту? Но я не хочу, милое дитя, чтобы желание – вполне естественное – узнать то, что ожидает нас в будущей жизни, сделало тебя равнодушной к этой.

– О, не беспокойся, мама, – возразила с волнением молодая девушка. – Ведь в этой жизни – ты, и отец, и брат.

– Однако как быстро идет время в этих философских разговорах! – сказал со смехом Лебрэн. – Вот уж и Жаника идет звать нас обедать, а я еще ничего не рассказал вам. В том случае, если мое любопытство будет удовлетворено раньше вашего, ты найдешь в этом письменном столе, милая Генори, мою последнюю волю. Ты знаешь ее, потому что у нас с тобой одни желания и чувства. Вот это, – продолжал Лебрэн, вынимая из кармана незапечатанный конверт, – получит наша милая дочь, и ты отдашь ей после того, как сама прочтешь.

Велледа слегка покраснела, уверенная, что это касается ее замужества.

– А ты, дитя мое, – обратился Лебрэн к сыну, – возьми этот ключ. Он от той комнаты с закрытыми ставнями, куда до сих пор входили только я и твоя мать. Одиннадцатого сентября будущего года тебе исполнится двадцать один год, и в этот день – но не раньше! – ты откроешь эту комнату. Среди других вещей ты найдешь там рукопись, которую прочтешь. Из нее ты узнаешь кое-что о наших предках, потому что ведь и у нас, поработанных пролетариев, могут быть не менее славные архивы, чем у наших властелинов. Ты увидишь тогда, в силу какой традиции в нашей фамилии старший сын или дочь, достигшие двадцати одного года, знакомятся с этими архивами и всеми предметами, которые там находятся. А теперь, друзья мои, – сказал Лебрэн взволнованным голосом, вставая и протягивая руки жене и детям, – обнимемся в последний раз. Быть может, нам придется разлучиться до завтрашнего дня, а разлука всегда немного печальна.

Произошло трогательное прощание. После нежных объятий и поцелуев все четверо снова приняли спокойный и решительный вид.

– А теперь за дело, друзья мои, – сказал Лебрэн. – Ты, жена, займешься с дочерью и Жаникой заготовкой бинтов и корпии. А мы с Сакровиром распакуем оружие, пока не настал еще час для устройства баррикад во всех кварталах Парижа.

– Но где же это оружие? – спросила его жена.

– А ящики и тюки? – с улыбкой сказал муж.

– Понимаю. Не надо посвящать в этот секрет Жильдаса. Он, без сомнения, честный мальчик, но все-таки... Разве ты не боишься?

– В настоящую минуту маска сброшена, милая Генори, и нечего бояться предательства. Если этот бедняга Жильдас трусит, то я ему предложу спрятаться в погребке или на чердаке. А теперь идем обедать. После обеда вы с Жаникой будете устраивать здесь наверху походный госпиталь, а мы с Сакровиром останемся в магазине. У нас будет много гостей в эту ночь.

Все спустились в комнату за магазином и второпях пообедали.

Волнение на улице возрастало. Издали доносился глухой и грозный шум толпы, как отдаленный прибой бурного моря. Некоторые окна в домах были ярко освещены в честь перемены министерства, но друзья Лебрэна, заходившие к нему сообщить о положении дел, говорили, что эти уступки короля показывают только его слабость и что эта ночь решит дело. Повсюду, передавали они, народ вооружается.

После обеда госпожа Лебрэн, ее дочь и служанка поднялись в комнату первого этажа, выходившую на улицу, а отец с сыном и Жильдасом остались в комнате за магазином. Жильдас, имевший всегда отличный аппетит, сегодня совсем не обедал. Его беспокойство увеличивалось с каждой минутой, и он много раз повторял тихонько Жанике или шептал про себя:

– Странный дом! Странная улица! Удивительный это город!

– Жильдас, – позвал его Лебрен, – принесите мне молоток и зубило. Мы с сыном вскроем ящики, а пока вы разберете эти тюки.

– Тюки с полотном, сударь?

– Да. Прежде всего распорите ножом обертку.

И Лебрен, вооружившись молотком и зубилом, принялся с сыном открывать ящики. В это время Жильдас, встав на колени перед одним из тюков, собрался его вскрывать.

– Сударь! – вскричал он вдруг, услышав сильные удары молотком по крышке ящика. – Будьте же осторожнее. Ведь на ящиках написано «Осторожно!». Так вы разобьете все стекло вдребезги!

– Не беспокойтесь, Жильдас, – ответил смеясь Лебрен. – Здесь прочные стекла.

– Они покрыты железом и свинцом, друг Жильдас, – прибавил Сакровир, стуча с еще большей силой.

– Чем дальше, тем удивительнее! – прошептал Жильдас, опускаясь на колени перед тюком и собираясь вскрывать его.

Чтобы было виднее, он взял свечку и поставил ее на пол возле себя. Он уже начал распарывать покрывку из серого холста, когда Лебрен, заметив свечку, вскричал:

– Вы с ума сошли, Жильдас! Поставьте скорее свечку на стол. Черт возьми! Еще мы тут взлетим на воздух по вашей милости!

– Взлетим на воздух? – вскричал с испугом Жильдас, отскакивая от тюка, между тем как Сакровир ставил свечку на стол. – Но почему бы мне взлететь?

– Потому что в этих тюках патроны, мой милый. Итак, будьте осторожны.

– Патроны! – воскликнул Жильдас, отступая все дальше в сильном страхе.

В это время хозяин вынул из ящика, который только что открыл, два ружья, а сын его достал оттуда несколько пар пистолетов и карабинов. При виде этого оружия Жильдас побледнел и прошептал, облокотившись на стол:

– Удивительный дом, где тюки с полотном оказываются патронами, а стекло – ружьями и пистолетами.

– Жильдас, – сказал Лебрен, – распаковывать эти вещи не представляет никакой опасности, и я прошу только в этом вашей помощи. Покончив с этим делом, вы можете отправиться в погреб или на чердак и оставаться там в полной безопасности до конца сражения, ибо я должен предупредить вас, Жильдас, что на рассвете будет сражение. Одно только: не выглядывайте в окна из вашего убежища, так как может всегда случиться, что какая-нибудь шальная пуля залетит в окно.

Эти страшные слова о шальных пулях, сражении и выстрелах окончательно убили Жильдаса, никак не думавшего, что квартал Сен-Дени такой воинственный. Ужас его еще увеличился от последующих событий. Крики, сначала доносившиеся издалека, слышались все ближе и, наконец, превратились в такой яростный рев, что Жильдас, Лебрен и Сакровир с тревогой поспешили к дверям магазина, чтобы посмотреть, что происходит на улице.

Глава IX

Когда все трое подбежали к двери, привлеченные возрастающим шумом, улица была уже вся запружена народом. Окна открывались, и в них высовывались любопытные. Среди все возраставших воплей людей можно было по временам различить крики:

– К оружию! Мщение!

В ответ на эти крики раздавались восклицания ужаса. Женщины, привлеченные этими криками к окнам, с ужасом откидывались назад, точно глазам их представлялось страшное зрелище.

Лебрен и его сын, предчувствуя что-то ужасное, вышли на порог. Перед ними предстала мрачная процессия.

Огромная толпа людей, одетых в блузы и мундиры национальной гвардии, размахивая саблями, ружьями, ножами, палками, двигалась перед громадной телегой, которую еле тащила лошадь. Вокруг телеги шли люди с факелами в руках, бросавшими зловеющий красный отблеск на дома. На телеге была навалена груда трупов. Высокий человек в красной шапке, обнаженный по пояс и со свежей раной на груди стоял на передке телеги, размахивая зажженным факелом. Можно было принять его за бога мщения и революции. Колеблющийся свет факела бросал по временам красный отблеск на телегу – то на седые головы стариков, залитые кровью, то на тело женщины, руки которой свесились и болтались так же, как и голова ее, мертвая и окровавленная, наполовину скрытая длинными спутанными волосами, то на другие не менее ужасные трупы. Время от времени человек в красной шапке кричал громовым голосом, размахивая факелом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.